

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://lermontovmikhail.ru/> приятного чтения!

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов

[1]

Посвящается:

Тобю только вдохновенный,
Я строки грустные писал,
Не знав ни славы, ни похвал,
Не мысля о толпе презренной.
Одной тобою жил поэт,
Скрываючи в груди мятежной
Страданья многих, многих лет,
Свои мечты, твой образ нежный;
На зло враждующей судьбе
Имел он лишь одно в пре<д>мете:
Всю душу посвятить тебе,
И больше никому на свете!..
Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданье.
Пусть пред тобой сии листы
Листами будут оправданья.
Прочти – он здесь своим пером
Напомнил о мечтах былого.
И если не полюбишь снова,
Ты, может быть, вздохнешь об нем.
Действующие лица:
Марфа Ивановна Грóмова – 80 лет.

Николай Михалыч Волин – 45 лет.

Юрий Николаич, сын его – 22 лет.

Василий Михалыч Волин, брат Н<иколая> М<ихалыча> – 48 лет.

Любовь, дочь его – 17 лет.

Элиза, дочь его – 19 лет.

Заруцкий, молодой офицер – 24 лет.

Дарья, горничная Громовой – 38 лет.

Иван, слуга Юрия.

Василиса, служанка 2-х барышень.

Слуга Волиных.

(Действие происходит в деревне Громовой.)

Действие первое

Явление 1

(Утро.)

(Стоит на столе чайник, самовар и чашки)

Дарья. Что, Иван, сходил ли ты на погреб? Там, говорят, все замокло от вчерашнего дождя... Да видел ли ты, где Юрий Николаич?

Иван. Ходил, матушка Дарья Григорьевна, – и перетер всё что надобно – а барина–то я не видал – вишь ты – он, верно, пошел к бабушке наверх. – Дело обыкновенное. – Кто не хочет с родным отцом быть – едет же он в чужие края, так что мудреного... А не знаете ли, матушка, скоро мы с барином–то молодым отправимся или нет? Скоро ли вы с ним проситесь?

Дарья. Я слышала, барыня говорила, что через неделю. Для того-то и Николай Михалыч со всей семьей привалил сюда – да знаешь ли, вот тебе Христос – с тех пор, как они приехали сюда, с тех самых пор – (я это так твер<до> знаю, как то, что у меня пять пальцев на руке) – я двух серебряных ложек не досчиталась. Ты не веришь?

Иван. Как не верить, матушка, коли ты говоришь. Однако ж это мудрено – ведь у тебя всё приперто – надо быть большому искуснику, чтоб подтибрить две серебряные ложки. Да! тут как хочешь экономию наблюдай и давай нам меньше жалованья и одежды и всё что хочешь – а как всякий день да всякий день пропажи, так ничего не поможет...

Дарья. Это же вина всё на мне, да на мне, а я – видит бог – так верно служу Марфе Ивановне, что нельзя больше. Пускают этих – прости господи мое согрешение – в доме угощают, а сделалась пропaja – я отвечаю. Уж ругают, ругают! (Притворяется плачущею.)

Иван. А можно спросить, отчего барыня в ссоре с Н<иколаем> М<ихалычем>? Кажись бы не отчего – близкие родня...

Дарья. Не отчего? Как не отчего? Погоди – я тебе всё это дело-то расскажу. (Садится.) Вишь ты: я еще была девчонкой, как Марья Дмитриевна, дочь нашей боярыни, скончалась – оставя сына. Все плакали как сумасшедшие – наша барыня больше всех. Потом она просила, чтоб оставить ей внука Юрья Николаича – отец-то сначала не соглашался, но наконец его улакомили, и он, оставя сына, да и отправился к себе в отчину. Наконец ему и вздумалось к нам приехать – а слухи-то и дошли от добрых людей, что он отнимет у нас Юрья <Николаича>. Вот от этого с тех пор они и в ссоре – еще...

Иван. Да как-ста же за это можно сердиться? По-моему так отец всегда волен взять сына – ведь это его собственность. Хорошо, что Н<иколай> М<ихалыч> такой добрый, что он сжалился над горем тещи своей, а другой бы не сделал того – и не оставил бы своего детища.

Дарья. Да посмотрела бы я, как он стал бы его воспитывать – у него у самого жить почти нечем – хоть он и нарахтитя в важные люди. Как бы он стал за него платить по четыре тысячи в год за обучение разным языкам?

Иван. Э-эх! матушка моя! – есть пословица на Руси: глупому сыну не в помощь богатство. Что в этих учителях. Коли умен, так всё умен, а как глуп, так всё – напрасно.

Дарья. (с улыбкой). А я вижу и ты заступаешься за Н<иколая> Михалыча–он, видно, тебя прикормил, сердешный; таков-то ты, добро, добро.

Иван (в сторону). По себе судит. (С гордым видом) Я всегда за правую сторону заступаюсь и положусь на всю дворню, которая знает, что меня еще никто никогда не прикармливал.

Дарья. Так и ты оставляешь нашу барыню. Хорошо, хорошо, Иван (топнув ногой)– так я одна остаюсь у нее, к ней привязанная всем сердцем – несчастная барыня (притворяется плачущею).

Иван (в сторону). Аспид!

явление 2
(Входит Василиса с молошником.)

Василиса. Пожалуйте, Дарья Григорьевна, барышням сливок – вы прислали молока, а они привыкли дома пить чай со сливками, так не прогневайтесь.

Дарья. Они у вас всё сливочки попивали! (В сторону) Видишь, богачки! (Ей) У меня нет сливок, теперь пост – так я не кипятила.

Василиса. Я так и скажу?

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Дарья. Так и скажи! ну чего ждешь! я тебе сказала, что у меня нет. (Василиса уходит.) (Она продолжает) Экие какие спесивые – ведь голь, настоящая голь, а туда же, сливок да сливок – ради, что к тем попали, где есть сливки. Пускай же знают, что я не их слуга! Экие какие!..

явление 3

(Николай Михалыч, Василий Мих<алыч> входят.)

Ник<олай> М<ихалыч> (Дарье). Здравствуй, Дарья!..

Дарья. Здравствуйте, батюшка! Хорошо ли почивали?..

Ник<олай> М<ихалыч>. Хорошо – да у вас что-то жарко наверху. Послушай! пошли мне моего человека.

Дарья (Ивану). Пошли! что ты стоишь? (Он уходит.)

Никол<ай> М<ихалыч> (брату). Посмотри-ка, брат, как утро прекрасно, как всё свежо. Ах, я люблю ужасно это время, пойдём прогуляться в саду, пойдём..

Василий М<ихалыч>. Изволь – я готов. (Уходят. Дарья отворяет им дверь.) (Дарье) Подай нам чаю в сад! – слышишь?

Дарья. Каковы! – принеси им туда чаю – как будто я их раба. Как бы не так. Так не понесу же им чаю, пускай ждут или сами приходят. О-ох, время пришло, времечко – всякой командует!

явление 4

(Квартира Заруцкого в избе.) (Ребятишки на полотах. Люлька и баба за пряжей в углу.)

Заруцкий (сидит за столом, на котором стоит бутылка и два стакана. Он в гусарском мундире). Вот, кажется, я нашел еще товарища моей молодости. Как полезно это общественное воспитание! – на каждом шагу жизни мы встречаем собратий, разделявших наши занятия, шалости, которые милы бывают только пока мы молоды. Как старое воспоминание, нам любезен старый друг. (Молчание.)

А Волин был удалой мальи́й, ни в чем никому не уступал, ни в буянстве, ни в умных делах и мыслях, во всем был первый; и я завидовал ему! Но он скоро будет – я послал сказать ему, что старый его приятель здесь. Посмотрим, вспомнит ли он меня?

(Пьет.) Славное вино. То-то попотчевая. (Берет гитару и играет и поет. Гитара лежала на столе.)

или 1

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись,
В день уныния смиришь,
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет,
Настоящее уныло,
Всё мгновенно, всё пройдет:
Что пройдет, то будет мило...
или 2

Смертнѣй, мне ты подражай!
Наслаждайся, наслаждайся,
Страстью пылкой утомляйся,
А за чашей отдыхай. (Пьет.)

(В эту минуту дверь отворяется, и Юрий быстро входит в избу и бросается на шею Заруцкому. Молчание.)

явление 5

Юрий. Заруцкий... как неожиданно...

Заруцкий. Давно, брат Волин, не видались мы с тобой. Я ожидал тебя и знал наверно, что ты меня не забыл – каков же я пророк.

Юрий. Как ты переменялся со время разлуки нашей – однако не постарел и такой же веселый, удалой.

Заруцкий. Мое дело гусарское! – а ведь и ты переменялся ужасно...

Юрий. Да, я переменялся – посмотри, как я постарел. О, если б ты знал все причины этому, ты бы содрогнулся и вздохнул бы.

Заруцкий. В самом деле, чем больше всматриваюсь – ты мрачен, угрюм, печален – ты не тот Юрий, с которым мы пировали бывало так беззаботно, как гусары накануне кровопролитного сраженья...

Юрий. Ты правду говоришь, товарищ, – я не тот Юрий, которого ты знал прежде, не тот, который с детским простосердечием и доверчивостию кидался в объятья всякого, не тот, которого занимала несбыточная, но прекрасная мечта земного, общего братства, у которого при одном названии свободы сердце вздрагивало, и щеки покрывались живым румянцем – о! друг мой! – того юношу давным-давно похоронили. Тот, который перед тобою, есть одна тень; человек полуживой, почти без настоящего и без будущего, с одним прошедшим, которого никакая власть не может воротить.

Заруцкий. Полно! полно! – я не верю ушам своим – ты что ли, это ты говоришь? Скажи мне, что с тобою сделалось? Объясни мне – я, чорт возьми, ничего тут не могу понять. Из удальца – сделался таким мрачным, – как доктор Фауст! Полно, братец, оставь свои глупые бредни.

Юрий. Не мудрено, что ты меня не понимаешь – ты вышел 2-мя годами прежде меня из пансиона и не мог знать, что со мной случилось... Много-много было без тебя со мною, ах! слишком много! (Начинает рассказ. Заруцкий закуривает трубку...)

Заруцкий. Да что ж могло с тобою быть? Несправедливости начальства, товарищей? и ты этого в 6 лет не мог забыть? полно, полно, – что-нибудь друго<е> томит и волнует твою душу. Глаза чернобровой красавицы, par exemple[2]

Юрий. Нет – совсем нет! – что за смешная мысль! ха-ха-ха!.. (Молчание.)

Заруцкий. Да что же! Мне любопытно знать!.. Кстати, выпей-ка стакан! (Взяв за руки) Не знаю, чем тебя мне угостить, дорогого гостя...

Юрий (выпив). Помнишь ли ты Юрия, когда он был счастлив; когда ни раздоры семейственные, ни несправедливости еще не начинали огорчать его? Лучшим разговором для меня было размышление о людях. Помнишь ли, как нетерпеливо старался я узнавать сердце человеческое, как пламенно я любил природу, как творение человечества было прекрасно в ослепленных глазах моих? Сон этот миновался, потому что я слишком хорошо узнал людей...

Заруцкий. Вот мы, гусары, так этими пустяками не занимаемся – нам жизнь – копейка, зато и проводим ее хорошо.

Юрий. Без тебя у меня не было друга, которому мог бы я на грудь пролить все мои чувства, мысли, надежды, мечты и сомненья... Я не знаю – от колыбели какое-то странное предчувствие мучило меня. Часто я во мраке ночи плакал над холодными подушками, когда вспоминал, что у меня нет совершенно никого, никого, никого на целом свете – кроме тебя, но ты был далеко. Несправедливости, злоба – всё посыпалось на голову мою, – как будто туча разлетевшись упала на меня и разразилась, а я стоял как камень – без чувства. По какому-то машинальному побуждению я протянул руку – и услышал насмешливый хохот – и никто не принял руки моей – и она обратно упала на сердце... Любовь мою к свободе человечества почитали вольнодумством – меня никто после тебя не понимал. Однако ж ты мне возвращен снова! не правда ли?..

Заруцкий. О государь! наш мудрый государь! если бы ты знал, каким гидрам, каким чудовищам, каким низким нравственным уродам препоручаешь лучший цвет твоего юношества – но где тебе знать? – один бог всеведущ!.. Чорт меня дери, если я не

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
изрублю этого... злодея, когда он мне попадется – он многих сделал несчастливymi.
Продолжай! друг мой!..

Юрий. Потом – ты знаешь, что у моей бабки, моей воспитательницы – жестокая распря с отцом моим, и это всё на меня упадет. Наконец я тебе скажу – не проходит дня, чтобы новые неприятности не смущали нас, я окружен такими подлыми тварями – всё так мне противуречит...

Заруцкий. Эх! любезный, чорт с ними!.. всех не исправишь!

Юрий. Еще – (берет его за руку) знаешь ли? – я люблю...

Заруцкий. Ну так, без этого не обойтись? В кого, скажи мне, в кого ты влюблен. Я помогу тебе – на то и созданы гусары: пошалить, подраться, помочь любовнику – и попить на его свадьбе.

Юрий. На свадьбе? – кровавая будет свадьба! Она никогда не будет мне принадлежать, зачем же называть ее – я хочу погасить последнюю надежду – я не хочу любить, – а всё люблю!..

Заруцкий. Послушай, брат, знаешь ли, я сам люблю и не знаю, любим ли я; мне стало жалко тебя, ты очень несчастлив. Послушай! зачем ты не пошел в гусары? Знаешь, какое у нас важное житье – как братья, а поверь, куда бабы вмешаются, там хорошего не много будет!

Юрий (в сторону). О если б ты знал, что я люблю дочь моего дяди, ты не сравнивал бы себя со мною. (Вслух) Я еду в чужие края – оставляю всех – родину – может быть, это поможет моему рассеянию.

Заруцкий. Твой отец здесь и дядя и кузины... их две?..

Юрий (с приметным смущением). Да... да – они все приехали со мной проститься!.. и мы с тобой снова расстанемся!

Заруцкий. Твое воображение расстроено, мой милый, ты болен. Зачем тебе ехать от нас?

Поверь мне, той страны нет краше и милее,
Где наша милая иль где живет наш друг.

Юрий. Зачем разуверять меня, зачем останавливать несчастного. Неужели и ты против меня; неужели и ты хочешь моей гибели, и ты изменил мне. Скажи мне просто, что ты думаешь – быть может, ты хочешь посмеяться надо мной, над безнадежной моей любовью так – как некогда – у меня был друг, который хохотал. Долго этот хохот останется в моем слухе. Ах! имей немного сострадания, столько, сколько человек может иметь – оставь меня лучше!

Заруцкий. Бедный, в каком он безумии. Зачем я коснулся его живой струны? (К Юрию) Послушай, запомни мои слова: дома лучше!..

Юрий. Я еду – я должен ехать – я хочу ехать... (кидается на стул и вдруг закрывает лицо руками.)

Заруцкий (стоит в безмолвии над ним, покачав головою). Бедный!.. Кто виноват?.. Неужели человек может быть так чувствителен, что всякая малость раздражает его до такой степени. (Ударив себя по сердцу) Этого я, по чести, не понимаю!.. Эй, брат. Вставай-ка – ты болен... Опомнись (трогает его).

Юрий. Да! я болен! Смертный яд течет по моим жилам. (Заруцкий поднимает его.) (Как ото сна встает.) Где я, у кого я?

Заруцкий. В объятиях твоего друга.

Юрий (обнимает его с восторгом). У меня есть друг.

Заруцкий. Утешься, брат – не век горе.

Юрий (не слыша его). Ты на меня не сердит? а? прости мне, если я что-нибудь тебе обидное сказал – не я говорил – мои страсти, мое безумство – прости меня...

Заруцкий. Тебе нужен свежий воздух!.. Итак, пойдем отсюда... в поле... (Уходят.)

явление 6

(Комната барышень. Любенька сидит и читает. Горнишная шьет платье, а Элиза перед трюмо. Все тихо.)

Элиза (примеривая шляпу). Посмотрите, ma soeur, [3] как эта шляпка на мне сидит. Не правда ли, что прекрасно...

Любовь. Да, это правда. (Положив книгу) Ах! если бы ты знала, какую прекрасную книгу я читаю.

Элиза. А что такое, позвольте спросить?

Любовь. Вудсток, или Всадник, Вальтера Скотта! Я остановилась на том месте, когда Алина удерживает короля и полковника... Ах, как я ей завидую...

Элиза. По мне ничего тут нет прекрасного. Пускай бы их сражались... да шею себе ломали... ха, ха, ха. – Какая дура твоя Алина!..

Любовь. У всякого свой вкус...

Элиза. Кстати: помнишь ли, как мы были в Москве. Я танцевала с одним прехорошеньким, молодым мальчиком. Он мне писал письмо, познакомился с кузинами для меня...

Любовь (с презрением). И ты приняла письмо?

Элиза. Экая важность! я очень рада... Когда мы приедем опять в столицу – он на мне женится... А ты не хочешь замуж, душенька моя? – будь спокойна, не возьмет тебя никто.

Любовь. Где ж нам с вами, большими барынями, равняться... ты любимая дочка, а...

Элиза (как будто не слышит ее). Какое прекрасное время – пойду в сад... (Уходит.)

Любовь. За что меня батюшка меньше ее любит, боже мой? что я сделала?.. Неужели должна любовь отца разделяться не ровно!.. Кажется, я привязана к нему с такой же нежностью, как сестра моя, никогда не огорчала его непослушанием – никогда – никогда... Ах, если бы маменька была жива, если б было кому с участием, нежностью меня прижать к груди своей, я бы не жаловалась на судьбу мою.

(Василиса служанка встает и уходит.)

Как я помню ее последние слова «не плачь, дочь моя – что делать, если отец тебя не любит – молись, дочь моя – божеская любовь равна любви родительской!» и бледное болезненное лицо ее сделалось совершенно спокойно – как смерть!.. (Молчание.) Видно, мне вечно быть сиротой. Я смутно помню, что когда-то я была у Троицкой Лавры – и мне схимник предсказал много горестей. – О! святой старик, зачем твое предсказание исполнилось?

(Она садится за книгу. Вдруг входит Заруцкий. Она в испуге вскакивает.)

явление 7

(Заруцкий подходит к ней.)

Любовь. Чего вам надобно, милостивый государь – здесь – когда я одна – вы, верно, ошиблись комнатой, вы не сюда хотели взойти...

Заруцкий. Нет, сударыня. Я точно там, где хотел быть... Это ваша комната...

Любовь. Кажется...

Заруцкий. Не пугайтесь – прошу вас – не пугайтесь...

Люб<овь>. Мне нечего вас пугаться – только этот поступок очень удивителен...

Зар<уцкий>. Если вы узнаете причины его – то, клянусь вам, не будете удивляться... если вы слышали или чувствовали сами ту власть, которой покорствуется всё в природе... то исполните мою просьбу...

Любовь. Мне кажется, у вас никакой просьбы до меня, 17-летней девушки, не может быть, что я могу вам сделать...

Заруцкий. Я гусар, а гусары говорят то, что думают: позволяете ли мне говорить откровенно?

(Она в смущении молчит.)

...Знавали ли вы страдания любви, вы носите ее имя, отвечайте, протекал ли огонь ее по вашим жилам?..

Любовь. Какой странный вопрос...

Заруцкий. Знавали ли вы любовь?..

Любовь. Это слишком много, слишком дерзко – я не привыкла к таким разговорам – оставьте меня, – вы не хотите – я вам приказываю, не то я позову людей... ибо – я не хочу вам сделать эту неприятность. Оставьте меня.

Заруцкий...в последний раз заклинаю вас, скажите мне, любили ли вы какого-нибудь юношу, – одного на целом свете.

Любовь (с досадою). Это слишком вольно, м<илостивый> г<осударь> – повторяю вам, если вы меня не оставите...

Заруцкий (вскакивает как громом поражен). (В сторону) Итак, все надежды мои провалились сквозь землю... попробую еще... быть может, она мыслит, что Заруцкий ее любит – ах! счастливая мысль – еще есть спасенье. (Подходит к ней с спокойным видом.) Я обожаю – сестру вашу...

Любовь. Что же вам до меня. Зачем тревожить мое спокойствие таким неожиданным приходом, зачем же вы пришли ко мне? Ваш поступок невозможно понять!..

Заруцкий. Я для того пришел к вам, чтобы вымолить, выплакать помощь – будьте уверены в чистоте моих желаний – я хочу, клянусь вам, хочу на ней жениться, – но – прежде – доставьте мне случай с ней говорить наедине, скажите ей, что она любима – страстно – столько, сколько гусар может любить. Я хочу узнать ее ближе, – вы будете свидетелем – умоляю вас – но что это значит? вы отворачиваетесь? – как можно отказываться сделать доброе дело, когда мы в состоянии.

Любовь. Я не в состоянии этого сделать!..

Заруцкий. Как! имея доверенность сестры вашей, ее дружбу – и вы...

Любовь. Вы ошибаетесь!.. я не имею ничьей доверенности, ничьей дружбы!..

Заруцкий. Итак – мне идти без надежды – а?..

Любовь. Нет – останьтесь... слушайте... поклянитесь мне, что вы во зло не употребите ее снисхождения... но чем вам клясться... нет... лучше... скажите мне, положив руку на сердце: – правда ли, что мужчины так злы и коварны, как их обвиняют – правда ли, что их душе ничего не стоит погубить девушку навеки...

Заруцкий (подумав, решительно). Неправда...

(Слышен шум.)

Любовь...Я постараюсь убедить Элизу... но помните, что грешно будет употребить во зло мою и сестрину доверенность... слышите – она идет – бегите скорей, бегите...

Заруцкий. Я буду надеяться. (Уходит.)

(Через минуту входит Элиза.)

Явление 8

Элиза...Ах, какой смех! – Grand dieu! Grand dieu![4] кабы ты знала, Любанька, что там за шум внизу. – Марфа Ивановна так раскапризничалась – что хоть из дому беги!.. ужас! – девок по щекам так и лупит – ха! ха! ха! – стоит посмотреть – и за что? – Ах, дай отдохнуть – самая глупейшая глупость – ах! как я устала!.. после тебе расскажу!..

Любовь...А у меня есть дело очень важное до тебя... и на твой счет...

Элиза. Что такое? скажи, пожалуйста! скажи!..

Любовь. Пойдем со мной!

(Уходят.)

Конец 1-го действия

Действие второе

Явление 1

(Комната Марфы Ивановны. Она сидит на креслах, перед ней стоит Дарья.)

Марфа Ив<ановна>. Как ты смела, Дашка, выдать на кухню нынешний день 2 курицы – и без моего спросу? – а? – отвечай!

Дарья. Виновата... я знала, матушка, что две-то много, да некогда было вашей милости доложить...

Марфа Ив<ановна>. Как, дура, скотина – две много... да нам есть нечего будет – ты меня эдак пожалуй с голоду уморишь – да знаешь ли, что я тебе сейчас вот при себе велю надавать пощечин...

Дарья (кланяясь). Ваша власть, сударыня – что угодно – мы ваши рабы...

Марфа Ив<ановна>. Что не было ли у вас какого-нибудь крику с Николаем Михаловичем...

Дарья. Нету-с – как-с можно-с нам ссориться – а вот что-с – нынче ко мне барышни присылали просить сливок, и у меня хоть они были, да...

Марфа Ив<ановна>. Что ж ты, верно, отпустила им?..

Дарья. Никак нет-с...

Марф<а> Ив<ановна>. Как же ты смела...

Дарья. Добро бы с вашего позволения, а то вы почивали – так этак, если всяким давать сливок, коров, сударыня, не достанет... у нас же нынче одна корова захворала, и я, матушка, виновата, не дала, не дала густых сливочек... слыхано ли во свете без барского позволения?..

Марф<а> Ив<ановна>. Ну, так хорошо сделала... Не знаешь ли ты, где мой внук, молодой барин?..

Дарья. Кажется, сударыня, он у своего батюшки.

Марф<а> Ив<ановна>. Всё там сидит. Сюда не заглянет. Экой какой он сделался – бывало прежде ко мне он был очень привязан, не отходил от меня, пока мал был – и

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
напрасно я его удаляла от отца – таки умели Юрьюшку уверить, что я отняла у отца материнское имя, как будто не ему же это имя достанется... Ох! злые люди!

Дарья. Ваша правда, матушка, – злые люди.

Марфа Ив<ановна>. Кто станет покоить мою старость! – и я ли жалела что-нибудь для его воспитания – носила сама бог знает что – готова была от чаю отказаться – а по четыре тысячи платила в год учителю... и всё пошло не впрок... Уж, кажется, всяким ли манером старалась сберечься от нынешней беды: ставила фунтовую свечу каждое воскресенье всем святым поклонялась. Ему ли не наговаривала я на отца, на дядю, на всех родных – все не помогло. Ах, кабы дочь моя была жива, не то бы на миру делалось, – не то бы...

Дарья. Что это вы, сударыня, так сокрушаетесь – всё еще дело поправное – можно Юрья Николаича разжалобить чем-нибудь, а он уж известен, как если разжалобится – куда хочешь, для всякого на нож готов... Есть, Марфа Ивановна, поговорка: железо тогда и куется, пока горячо...

Марфа Иванов<на>. Вот как врет – можно ли это – как его разжалобишь – он уже ничему не поверит...

Дарья. Как, вашей милости у нас, рабов, об таких вещах спрашивать... вам ли не знать...

Марфа Ив<ановна> (смотря кверху). Видит богоматерь, я не теряла молитв... постарюсь, попробую поступить по твоему совету, Дашка... да слушай, что они там ни будут говорить с отцом, всё узнавай и приходи сказывать мне...

Дарья. Слушаюсь – уж на меня, Марфа Ивановна, извольте надеяться...

Марфа Ив<ановна>. Ну я надеюсь: ты всегда мне верно служила...

Дарья. Видит бог-с, не обманывала никогда и вечно в точности ваши приказанья исполняла... да и вашей милостью довольны. (Кланяется.)

Марфа Ив<ановна>. Но вот уж через неделю Юрьюшка поедет – и я избавлюсь от этих несносных Волиных – то-то кабы дочь моя была в живых.

(Молчание.)

– Эй, Дашка, возьми-ка Евангелие и читай мне вслух.

Дарья. Что прикажете читать?

Марфа Ив<ановна>. Что попадется!..

(Дарья открывает книгу и начинает читать.)

Дарья (читает вслух довольно внятно). «Ведяху со Иисусом два злодея. И егда приидоша на место, нарицаемое лобное, ту распяшу его и злодеев, оваго одесную, а другога ошуюю. „Иисус же глаголаше: Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят. Разделяюще ризы его и метяху жребия“...

Марфа Ив<ановна>. Ах! злодеи-жиды, нехристы проклятые... как они поступали с Христом... всех бы их переказнила, без жалости... нет, правду сказать, если б я жила тогда, положила бы мою душу за господу, не дала бы его на растерзание... Переверни-ка назад и читай что-нибудь другое...

Дарья (читает). «Горе вам, лицемеры, яко подобитесь гробам украшенным, иже снаружи являются красны, внутри же полны суть костей мертвых и всякой нечистоты!.. Так и вы извне являетесь человеком праведни, внутри же есте полны лицемерия и беззакония»...

Марфа Иван<овна>. Правда, правда говорится здесь... ох! эти лицемеры! Вот у меня

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
соседка Зарубова... такая богомольная кажется, всякой праздник у обедни, а намеднясь велела загнать своих коров и табун на мои озими, все потоптали – злодейка...

Дарья. Да еще, сударыня, бранит вас повсюду по домам – такая змея... и людям-то своим велит на вас клепать нивесь что, мы хоть рабы, а как услышишь что-нибудь такое, так кровь закипит – так бы и вцепилась ей в волосы...

Марф<а> Ив<ановна>. Продолжай...

Дарья (читает). «Дополняйте же вы меру злодеяния отцов ваших. Змеи, порождение ехиднины, как убежите от огня и суда геенны?»

Марфа <Ивановна>. Не убежит она... Послушай. Дашка... возьми что-нибудь другое!..

Дарья. Из чьего Евангелия прикажете?

Марф<а> Ив<ановна>. От Марка.

Дарья. «Сего ради глаголю вам: вся, елика аще молящеся просите, веруйте, яко приемлете; и будет вам. И егда стоите на молитве, прощайте, аще что имате на кого, да и отец ваш, иже на небесех, отпустит вам согрешения ваша...»

(Слышен громкий стук разбитой посуды, обе вздрагивают.)

Марф<а> Ив<ановна>. Что это?.. верно мерзавцы что-нибудь разбили... сбегай-ка да посмотри!..

(Дарья уходит. Через минуту приходит.)

Дарья. Ваша хрустальная кружка, с позолоченной ручкой и с вензелем...

Марфа Ив<ановна>...Она!

Дарья... В дребезгах лежит на полу...

Марф<а> Ив<ановна>. Ах злодеи! кто разбил – кто этот окаянный?..

Дарья...Васька – поваренок!..

Марф<а> Ив<ановна>. Пошли его сюда... скорей... уж я ему дам, разбойнику, березовой каши.

(Дарья призывает его.)

Марф<а> Ив<ановна>. Как ты это сделал, мерзавец... знаешь ли, что она 15 рублей стоит? – эти деньги я у тебя из жалованья вычитаю. Как ты ее уронил, – отвечай же, болван?.. Ну – что ж ты? Говори.

(Мальчишка хочет говорить.)

Как? ты еще оправдываться хочешь... эх! брат, в плети его, в плети на конюшню...

(Мальчик кланяется в ноги.)

Вздор! я этим поклонам не верю... убирайся с чортом, прости боже мое согрешение...

Убирайся... (топнув ногой)...Моя лучшая кружка, с золотой ручкой и с моим вензелем!.. Нельзя ли, Дашка, ее поправить, склеить хоть как-нибудь...

Дарья. Ни под каким видом нельзя-с.

Марф<а> Ив<ановна>. Экая беда какая.

(Входят Н<иколай> М<ихалыч> и Вас<илий> М<ихалыч> Волины. Дарья уходит с книгой.)

Явление 2

Ник<олай> Мих<алыч>. Здоровы ли вы, матушка, нынче и хорошо ли почивали... я слышал, что вы долго не засыпали...

Мар<фа> Ив<ановна>. Да, батюшка – мне что-то не спалось – я всё думала об моем Юрьюшке... как это он поедет путешествовать, я боюсь за него – вот вы, отцы, не так беспокоитесь об детях!.. а мне так грустно с ним расставаться...

Ник<олай> Мих<алыч>. Неужели вы думаете, что мне легче. Вы ошибаетесь, позвольте мне сказать. Я сына моего не меньше вас люблю; и этому доказательство то, что я его уступил вам, лишился удовольствия быть с моим сыном, ибо я знал, что не имею довольно состояния, чтоб воспитать его так, как вы могли.

Мар<фа> Ив<ановна>. (к Вас<илию> Мих<алычу>). Что, батюшка! как ваше дело, что говорит сенат?..

Вас<илий> Мих<алыч>. Сенат-с? – до него еще дело не доходило. А всё еще кутят да мутят в уездном суде да в губернском правлении... такие жадные, каналы, эти крючки подьячие, со всей сволочью, что когда туда приедешь, так и обступят – чутье собачье! знают, что у тебя в карманах есть деньги... и вот уж пять лет тянется вся эта комедия... впрочем, для меня совсем не смешная, потому что я действующее лицо!..

Мар<фа> Ив<ановна>. (к Н<иколаю> М<ихалычу>). Знаете ли, Н<иколай> Мих<алыч>, я хочу, чтоб Юрьюшка ехал во Францию, а в Германию не заглядывал, – я терпеть не могу немцев! чему у них научишься!.. Все колбасники, шмерцы!..

Ник<олай> М<ихалыч>. Позвольте перервать речь вашу, матушка, немцы хотя в просвещении общественном и отстали от французов, то есть имеют некоторые странности, им приличные в обхождении, не так ловки и развязны, но зато глубокомысленнее французов, и многие науки у них более усовершенствованы, и Юрий, в его лета, очень даже может сам располагать собою, ему 22 года, он уже имеет чин – и проч...

Вас<илий> Мих<алыч>. Позвольте спросить, Юр<ий> Ник<олаевич> поедет морем?

Мар<фа> Ив<ановна>. Сохрани бог!.. Нет, ни за что.

Вас<илий> М<ихалыч>. Так ему надо ехать чрез Германию, иначе невозможно, хоть на карту взгляните.

Мар<фа> Ив<ановна>. Как же быть! А я не хочу, чтоб он жил с немцами, они дураки...

Ник<олай> Мих<алыч>. Помилуйте! – у них философия преподается лучше, нежели где-нибудь! Неужто Кант был дурак?..

Мар<фа> Ив<ановна>. Сохрани бог от философии! Чтоб Юрьюшка сделался безбожником?..

Ник<олай> М<ихалыч> (с неудовольствием). Неужели я желаю меньше добра моему сыну, чем вы? Поверьте, что я знаю, что говорю. Философия не есть наука безбожия, а это самое спасительное средство от него и вместе от фанатизма. Философ истинный – счастливейший человек в мире, и есть тот, который знает, что он ничего не знает. Это говорю не я, но люди умнейшие...

(Вас<илий> М<ихалыч> в тайном удовольствии)

И всякий тот, кто хотя мало имеет доброго смысла, со мною согласится.

Мар<фа> Ив<ановна>. Стало быть, я его совсем не имею... это слишком самолюбиво с вашей стороны... уверяю вас!..

Ник<олай> М<ихалыч>. Лучше сами поверьте, что отец имеет более права над сыном, нежели бабушка... Я, сжался над вами, уступил единственное свое утешение, зная, что вы можете Юрия хорошо воспитать... Но я ожидал благодарности, а не всяких неприятностей, когда приезжаю повидаться к сыну... Вы ошибаетесь очень: Юрий велик уж, он сделался почти мужем и может понимать, что тот, кто несправедлив противу отца, недостойн уважения от сына... Я говорю правду, вы ее не любите – прошу вашего извинения, впрочем знайте, что я не похож на низких ваших соседей и не могу не говорить о том, что чувствую: я очень огорчен вашим против меня нерасположением... Но что ж делать, вы задели меня за живое: я отец и имею полное право над сыном...

Он вам обязан воспитанием и попечением, но я ничем не обязан. Вы платили за него в год по 5 тысяч, содержали в пансионе, но я сделал еще для вас жертву, которую не всякий отец сделает для тещи, уж не говорю об имени... прошу извинить.

Мар<фа> Ив<ановна> (привстав). Как, и вы можете меня упрекать, ругать, как последнюю рабу, – в моем доме... Ах! (Упадает в изнеможении злобы на кресло и звенит в колокольчик.) Дашка, Дашка, – палку.

Дарья. Сию минуту. (Приносит палку и выводит ее из комнаты под руку.)

Ник<олай> Мих<алыч>. О боже мой! – может ли сумасшествие женщины дойти до такой степени!.. (Ходит взад и вперед.)

Васи<лий> Мих<алыч> (подходит к нему). Вот что значит, братец, спорить с бабами! А отчего это всё, отчего не мог ты взять просто сына своего от нее: не хотел заплатить 3000 за бумагу крепостную. Ведь она тебе отдавала имение – что за глупое великодушие не брать! – или брать на честное слово, что всё равно. Вот она и сделала условие, что если ты возьмешь к себе сына, так она его лишит наследства, а тебя не сделала опекуном. Что, брат! видно поздно!..

Ник<олай> М<ихалыч>. Но ее слово, уверения брата ее – я почему мог отгадать, что они меня обманут?..

Вас<илий> М<ихалыч>. Что, скажи мне, ты шутишь? – честное слово! ха! ха! ха!.. Нынче это нуль по левую сторону единицы.

(Уходят.)

Явление 3

(Сад, сумерки, и луна на небе, налево беседка. Любовь в длинной черной шали в волосах и белом платье. С письмом в руке.)

Любовь (читая). Он желает говорить со мною здесь наедине, в это время – что такое значит? Юрий хочет со мною говорить – об чем? Между нами не может быть и не должно быть ничего такого, что бы нельзя было сказать при свидетелях. Однако ж я не должна опасаться, хотя говорят, что девушки должны бояться мужчин. Зачем мне бояться Юрия?.. Ах! часто, когда на меня устремлял он свои взоры неподвижные, светлые, – что-то чудное происходило в груди моей; сердце билось. Быть может, он в меня влюблен? – Нет! нет! – сему не случиться никогда! я не верю этой любви. Он не может на мне жениться, так на что ему безнадежно страстью себя мучить. Зеркало мне говорит, что я хороша собой, что могу нравиться, но он, он столько знал красавиц лучше меня. И если бы это было в самом деле, если я любима, то он должен столько уважать меня, он должен думать, что добродетель не позволит мне явно отвечать ему – к тому ж я, кажется, не показала ему ничего такого, что бы могло возбудить его страсти; неужели он

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru заметил биение моего сердца. Ах! нет!.. он сам, Юрий, был со мной всегда мрачен, холоден, он вряд ли способен любить нежно... Но зачем ему было свидание?.. это письмо!.. не понимаю, чего хотел он... (Молчание.) Но вот луна взошла, всё тихо и прохладно – а он нейдет. (Молчание.) Как я глупо сделала, что пришла сюда, непонятное влечение управляло моими шагами. (Садится возле беседки.) Что если нас увидят вместе... моя честь погибла – о безумная!..

Явление 4

Юрий (в плаще, без шляпы, тихими шагами подходит к ней и берет ее за руку). Любовь!.. вы здесь уже!..

Любовь (испугавшись). Ах!..

Юрий. Вы испугались?

Любовь. Нет... вы мне что-то хотели сказать – я готова слушать – со вниманием.

Юрий. Да – я много хотел сказать вам... вы помните: с тех пор, как мы с вами знакомы, вы никогда не отказывались от маловажной и легкой для вас просьбы моей... теперь... я вас прошу дать мне честное слово, сказать мне правду, правду чистую – как ваше сердце...

Любовь. Мое слово?.. Хорошо. (Смотрит ему в глаза.)

Юрий (в сильном движении берет ее за руку). Прошедшую ночь, когда по какому-то чудному случаю я уснул спокойно, удивительный сон начал тревожить мою душу: я видел отца, бабушку, которая хотела, чтоб я успокоил ее старость насчет благополучия отца моего, – с презреньем отвернулся я от корыстолюбивой старухи... и вдруг ангел утешитель встретился со мной, он взял мою руку, утешил меня одним взглядом, одним неизъяснимым взглядом обновил к жизни... и... упал в мои объятия. Мысли, в которых крутилась адская ненависть к людям и к самому себе – мысли мои вдруг прояснились, вознеслись к небу, к тебе, создатель, я снова стал любить людей, стал добр по-прежнему. Не правда ли, это величайшее под луною благодеяние? – И знаешь ли еще, Любовь, в этом утешителе, в этом небесном существе, – я узнал тебя!.. Ты блистала в чертах его, это была ты, прекрасная, как теперь... никто на свете, ни самый ад меня не разуверит!.. Ах! это была минута, но минута блаженная, – это был сон, но сон божественный!.. Послушай, Любовь, теперь исполни свое обещание, отвечай как на исповеди, может ли этот сон осуществиться... умоляю тебя всем, чем ты дорожишь теперь или когда-нибудь будешь дорожить – говори как на исповеди... знай, что одно твое слово, одно слово, может много сделать добра и зла...

(Любовь в сильном нерешении.)

И ты молчишь!.. Любовь...

Любовь. Нет!..

Юрий. Как! что нет, говори, что нет!..

Любовь. Сон твой никогда не сбудется...

Юрий. Небо! – что она хочет делать?.. Скажи: да!.. (Молчание.) Отчего не хочешь сказать: да... это слово, этот звук мог бы восстановить мою жизнь, возродить меня к счастью! Ты не хочешь? – что я тебе сделал, за что так коварно мстишь мне, неужели женщина не может любить, неужели она не радуется, когда видит человека, ей обязанного своим блаженством, когда знает, что это стоит одного слова, хотя бы оно выходило и не от сердца... Скажи: да!

Любовь. Нет.

Юрий. И в тебе есть совесть?..

Любовь. Я не могу сказать: да. На что искушать тебя: моим ты никогда, никогда не будешь – узы родства, которые связывают нас вместе, разрывают сердца наши... забудь свои мечты! Ты не хочешь погубить бедную девушку, не правда ли? – так

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru забудь свои безумные желанья, забудь их!.. (Молчание.) Ты поедешь в чужие края, разные, новые предметы развлекут твои мысли, тебе понравится другая...

Юрий. Я не поеду... у ног твоих, я говорю тебе, у ног твоих счастье целой жизни человека – не раздави безжалостно!.. А если ты меня отвергнешь, – ах, – то верно никакая дева не будет больше мне нравиться – я окаменею, быть может, навеки.

Любовь (садится на скамью возле беседки и сажает его). Посмотри, брат мой, как прекрасен взошедший месяц, какая тихая, светлая гармония в усыпающей природе, а в груди твоей бунтуют страсти, страсти жестокие, мятежные, противные законам. Посмотри на эти рассеянные облака, светлые как минуты удовольствий и мимолетные как они; посмотри, как проходят эти путники воздушные... (Она закрывает лицо платком.) Перестань страдать, друг мой, – полно!.. (В слезах упадает на грудь Юрия, который в сильном оцепенении сидит недвижно, глаза к небу.)

Юрий (после долгого молчания)... Ах!.. (Берет ее руку, между тем слышна вдали песня русская со свирелью, и то удаляется, то приближается, в конце которой Юрий вскакивает, как громом пораженный, и отбегает от любви.) Какие звуки, они поразили мою душу... кто их произвел... не с неба ли, не из ада ли... нет... но вот опять... опять... Всесильный бог!.. (Кидается к ногам Любви, которая встала со скамьи.) Пускай весь мир на нас обрушится: я люблю тебя. Скажи и ты: люблю!..

Любовь (через силу). Нет. (Хочет бежать.)

Юрий (у ног ее). Не верю... не обманешь – я прочел в глазах твоих... только... я недоволен... скажи: люблю!

Любовь (хочет что-то сказать... но вдруг останав<ливается>). Зачем тебе признание, если ты прочел всё в глазах моих!..

Юрий (вскакивает с восторгом). Я любим – любим – любим – теперь все бедствия земли осаждают меня – я презираю вас: она меня любит... она, такое существо, которым бы гордилось небо... и оно мне принадлежит! Как я богат!.. (К ней) Ты не знаешь, девушка, как много добра сделала ты в сию минуту... (обнимает ее). О, если бы мой отец видел это, как восхитился бы он взаимным пламенем двух сердец.

Любовь. Твой отец!.. Что ты говоришь?..

Юрий (дрожащим голосом, ударив <в> грудь). Да, да... ты говоришь правду, я не должен никому об этом сказывать, всё восхищение, вся сладость сих незабвенных минут должны остаться здесь, здесь в груди моей – всякий день я буду упиваться воспоминанием, ни одно горькое чувство ненависти и раскаяния не проникнет туда, где я схороню мое сокровище... (К Любви) Теперь один поцелуй на прощанье. (Целует ее.) О!!!.. я слишком счастлив для человека!.. (Завернувшись в черный плащ, быстро уходит.)

Любовь. Как он любит... добрый юноша!.. (Молчание.) Кажется, я ничего дурного не сделала, ни одно преступление не тяготеет на мне, мне не в чем упрекнуть себя... а сердце бьется и трепещет как птичка, попавшая в сеть нечаянно!.. (Молчание.) Однако ночь сгущается, и месяц дошел до половины небес. Меня будут искать везде, – а здесь так пусто, страшно... (Становится на колени и поднимая руки вверх) Ангел хранитель! не допусти случиться чему-нибудь с бедной девушкой, она предается тебе, прости ей слабости... и охрани от нечистого духа. (Встает и уходит.)

Конец 2-го действия

Действие третье

Явление 1

(Галерея, откуда виден сад. Элиза идет с зонтиком одна.)

Элиза. Как жарко нынче, так и жжет лицо и шею. Если б не этот благодетельный зонтик, я б сделалась черней арапки, и это бы было плохо для меня, потому что je dois être aujourd'hui plus belle que jamais, [5] для предложенного свиданья... ха! ха! ха! как Любанька смешна была вчерась, начинает мне говорить про этого Заруцкого и про его желание с такой важностью, comme si c'était une affaire d'état! [6]... ха! ха! ха! ха!.. бедненькая, читалась романов и скоро с ума сойдет. Она судит целый свет по себе... например, нынче – всю ночь проплакала, верно, ей кто-нибудь комплимент сказал, и она воображает, что в нее влюблены... и

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru плачет с сожаления! нет, moi je me moque de tout cela![7] вот, уж верно нынче будет страстное объяснение, он упадет на колени... я ему скажу маленький equivoque,[8] – и он должен быть доволен... чего же ему больше?.. Впрочем, этот Заруцкий верно посещал большой свет; он ни мало не похож на этих армейских, его собратий... ха! ха! ха! – армейский!.. одно это слово чего стоит?.. Но кто-то идет!.. а мне нужно нынче быть одной. (Уходит.)

Явление 2

(Юрий и Вас<илий> Мих<алыч> идут по галерее, и Вас<илий> Михалыч> что-то ему говорит, ведя за руку.)

Вас<илий> Мих<алыч>. Экой ты упрямый человек! – да выслушай только, что я тебе говорю... Твой отец нынче со мной приходит к Марфе Ивановне, она нас хорошо приняла, а у нее стояла эта змея Дарья, причина всех наших неприятностей, – вот, слушай, брат, и начинает говорить...

Юрий (отходя прочь). И мне нет спокойствия – ни одной минуты... эти сплетни, эта дьявольская музыка жужжит каждый день вокруг ушей моих... (К дяде) Дядюшка, в другое время... теперь я...

Вас<илий> Ми<халыч>. Да, теперь, а не в другое время... слушай, ты должен это всё знать, чтоб уметь ценить людей, окружающих тебя...

Юрий. Я только ценю тех, которые не мучат меня вечно своими клеветами...

Вас<илий> М<ихалыч>. Я понимаю, что ты это на мой счет говоришь, но я не сержусь... не для себя я говорю... но хочу тебе показать, кто твой отец и бабка!..

Юрий (твердо). Ну так и быть, я слушаю!..

Вас<илий> Мих<алыч>. Во-первых, твой отец начал говорить ей о тебе, о твоём отъезде... она расхаживала по обыкновению, уверяла, что она тебя больше любит, нежели он, вообрази, потом он ей стал представлять доказательства противные очень учтиво, она вздумала показывать, что ему и дела нет до тебя, – тут Никол<ай> Мих<алыч> не выдержал, признаться, объяснил ей коротко, что она перед ним виновата и что он не обязан был тебя оставлять у нее, но что были у него причины посторонние и что она изменила своему слову. Она взбесилась до невозможности, ушла. Теперь она нас выгонит из дому... прощай, мой племянничек... надолго, потому что, верно, ни я, ни брат больше сюда не заглянут.

Юрий (всплеснув руками). Всемогущий боже! – ты видел, что я старался всегда прекратить эти распри... зачем же всё это рушится на голову мою. Я здесь как добыча, раздираемая двумя победителями, и каждый хочет обладать ею... Дядюшка, оставьте меня, прошу вас, я измучен...

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет... ты должен решиться в чью-нибудь пользу.

Юрий. На что?.. к чему я должен? Кто приказал?

Вас<илий> М<ихалыч>. Честь.

Юрий. Честь? – кто вам внушил это слово?.. О! адская хитрость... как ничтожно это слово, а как много власти имеет оно надо мной... мой долг, долг природы и благодарность: в какой вы ужасной борьбе между собой... дядюшка! зачем вы произнесли это слово: я решился...

Васил<ий> М<ихалыч>. Для кого, друг мой?

Юрий. Отец обладает моею жизнью... но знайте, что если бабушка будет укорять в неблагодарности, если она станет показывать глазам моим все свои попечения о моей юности, все свои благодеяния, всё, чем я ей обязан, если она будет проклинать меня за то, что я отравил ее старость, сжег огнем терзаний седые ее волосы, за то, что я оставил ее без причины, если наконец я сам иссохну от раскаяния, если я буду отвергнут за это преступление небом и землею, если тогда я проклянута вас отчаянным языком моим... если... о, берегитесь, берегитесь... вся свинцовая тяжесть греха сего погрязнет на вас... Откажитесь от вашего свидетельства, оно ложно, спасите свою душу, оно ложно, говорю вам... признайтесь,

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
что вы солгали...

Вас<илий> М<ихалыч>. Нет, я не откажусь. Когда я сам видел и слышал, что нас с братом выгоняют из дому.

Юрий. Итак, всё кончено. Вот мое слово.

Вас<илий> Мих<алыч>. Ну, слава богу, наконец ты решился... я пойду к отцу твоему и объявлю, что ты решился не оставлять его; как он будет рад, и я уверен, что тебя больше прежнего полюбит.

Юрий. Радоваться? кто радоваться?.. мой отец!.. не дай бог, чтоб это была большая радость в его жизни... что он будет думать, обнимая неблагодарного (ударяя себя в лоб и ломая руки), но мое честное слово!..

Вас<илий> Мих<алыч>. Неблагодарного? Как это, ты сделаешься неблагодарным? против кого? да, ты бы сделался неблагодарным и преступником, если бы оставил Н<иколая> Мих<алыча>, который дышит одним тобою... а эта бабушка, она, поверь пожалуйста, больше сделала тебе зла, нежели добра. Я мои слова готов повторить при самом императоре...

Юрий. По крайней мере, она желала делать добро.

Вас<илий> Мих<алыч> (с коварной улыбкой). Мы знаем желания этой злодейки.

Юрий. Еще пытка... скоро ль вы насытитесь... Но говорите, пускай удар будет ужасен, но вдруг, пускай вся мера зла, яда подземного прольется в мою грудь... но только вдруг. Это всё легче, нежели с нестерпимой едкой болью, день за днем отщипывать кусок моего сердца... говорите! я тверд! не бойтесь, видите... (дико) видите... ха! ха! ха!.. видите, как я весел, равнодушен, холоден, точно как вы... (С сильным движением хватая его за руку) Только чур, говорить правду...

Вас<илий> Мих<алыч>. Вот тебе Христос (крестится), я начну рассказывать с начала всего дела, чтоб совершенно изобличить хитрую старуху и ее помощников, этих сестриц и братьев и служанок... За месяц перед смертью твоей матери (еще тебе было 3 года), когда она сделалась очень больна, то начала подозревать Марфу Ивановну в коварстве и умоляла ее перед богом дать ей обещание любить Ник<олая> Мих<алыча>, как родного сына, она говорила ей: «Маменька! он меня любил, как только муж может любить свою супругу, замените ему меня... я чувствую, что умираю». Тут слова ее пересекались, она смотрела на тебя, молчаливый, живой взгляд показывал, что она хочет что-то сказать насчет тебя... но речь снова прерывалась на устах покойницы. Наконец она вытребовала обещание старухи... и скоро уснула вечным сном... Твоя бабушка была огорчена ужасно, так же как и отец твой, весь дом был в смущении и слезах. Приехал брат старухи, Павел Иванович, и многие другие родственники усопшей. Вот Павел Иваныч и повел твоего отца для рассеяния погулять, и говорит ему, что Марф<а> Ив<ановна> желает воспитать тебя до тех пор, пока тебе нужна матушка, что она умоляет его всем священным в свете сделать эту жертву. Отец твой согласился оставить тебя у больной бабушки, и, будучи в расстроенных обстоятельствах, уехал со мною. Вот как всё это началось... Чрез 3 месяца Николай Мих<алыч> приезжает сюда, чтоб тебя видеть – приезжает – и слышит ответы робкие, двусмысленные от слуг, спрашивает тебя – говорят – нет... он вообразил, что ты умер, ибо как вообразить, что тебя увезли на то время в другую деревню. Брат сделался болен, душа его терзалась худым предчувствием. Ты с бабушкой приезжаешь наконец... и что же? – она охладела совсем к нему. Имение, которое Марфа Ивановна ему подарила при жизни дочери и для которого он не хотел сделать акта, полагаясь на честное слово, казано совсем уже не в его распоряжении! Он уезжает и через полгода снова здесь является.

Юрий. Я предчувствую ужасную историю, стыд всему человечеству... Но буду слушать неподвижно, дядюшка... только... помните уговор...

Вас<илий> Мих<алыч>. Помилуй!.. да будь я анафема проклят, если хоть слово солгу! Слушай дальше: когда должно твоему отцу приехать – здешние подлые соседки, которые получили посредством ханжества доверенность Марфы Ивановны, сказали ей, что он приехал отнять тебя у нее... и она поверила... Доходят же люди до такого сумасшествия!..

Юрий. Отец... хотел отнять сына... отнять... разве он не имеет полного права надо

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
мною, разве я не его собственность... Но нет, я вам снова говорю, вы смеетесь надо мною...

Вас<илий> Мих<алыч>. Доказательство в истине моего рассказа есть то, что бабушка твоя тотчас послала курьера к Павлу Иванычу, и он на другой день приезда брата прискакал... Николай Михалыч стал ему говорить, что слово не сдержано, что его отчуждают от имения, что он здесь насчет сына как посторонний, что это ни на что не похоже... но это езуит, снова уговорил его легко, потому что отец твой благородный человек, и судит всех по доброте души своей. И перед отъездом брат согласился оставить тебя у бабушки до 16 лет, с тем, чтобы насчет твоего воспитания относились к нему во всем. Но второе обещание так же дурно сдержано было как первое.

Юрий. И это всё! не правда ли?..

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет, это еще половина.

Юрий. Ах! зачем не всё? Пощади меня, пощади, царь... небесный...

Вас<илий> Мих<алыч>. Марфа Ивановна то же лето поехала в губернский город и сделала акт, какой акт?.. сам ад вдохнул в нее эту мысль, она уничтожила честное слово, почла отца – отца твоего за ничто и вот короткое содержание: «Если я умру; то брат П<авел> И<ваныч> опекуном именью, если сей умрет, то другой брат, а если сей умрет, то свекору препоручаю это. – Если же Ник<олай> Мих<алыч> возьмет сына своего к себе, то я лишаю его наследства навсегда»... Вот почему ты здесь живешь; благородный отец твой не хотел делать историй, писать государю и лишить тебя состояния... но он надеялся, что ты ему заплотишь за эту жертву...

Юрий (после минуты молчания, когда он стоял как убитый громом)...чтобы ей подавиться ненавистным именем!.. о!.. теперь всё ясно... Люди, люди... люди. Зачем я не могу любить вас как бывало... я узнал тебя, ненависть, жажда мщения... мщения... Ха! ха! ха!.. как это сладко, какой нектар земной!..

Вас<илий> Мих<алыч>. А неприятности, последовавшие, очень натуральны... к тому ж, старуха любит, чтобы ей никто не противуречил, и эти окружающие... эта поверенная Дарья преопасная змея...

Юрий...Довольно, прошу вас не продолжайте, – остальное мне всё известно...

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет, мой друг, еще... еще...

Юрий. Я больше не желаю знать... вы рассказали так прекрасно, как приятна ваша повесть... (Впадает в задумчивость.)

Вас<илий> Мих<алыч> (в сторону, с улыбкой). Мое дело кончено, и всё пришло в порядок... я не буду сказывать обо всем брату... он такой... он не любит подобных штук... (Смеется.) Как он горячился, бедненький...

Юрий (между тем взглянув на <Василия Михалыча>). Вам смешно мое страданье... не правда ли!..

Вас<илий> Мих<алыч>. Нет... помилуй... что ты.

Юрий (в сторону). Нет... нет... какое ледяное слово... он, это видно, он из любви мне открыл злодейство... так всегда со мною делали... из привязанности я был обманут когда-то дружбой... о, тщетные уверенья... нынче... (К дяде) Оставьте меня, прошу вас: мне надо побыть одному... я весь в огне, мне надо отдохнуть...

Вас<илий> М<ихалыч>. Хорошо, друг мой... до свиданья. (Уходит, потирая руки.) А мое дело сделано, слава богу... (Уходит.)

явление 3

Юрий. Как я расстроен, как я болен... желчь поднялась в голову... грудь взволновалась... сердце бьется, подобно свинцу, облитою кровью... от избытка чувствований я лишился чувства... Но отдохнем... я увижу ее, утешителя ангела, она мне возвратит, на минуту, потерянное спокойствие... Пойду, пойду... (Закрыв лицо руками, уходит в галерею медленными шагами.)

(Входит Марфа Ивановна, за ней Дарья и подает ей стул. Она садится.)

Марф<a> Ив<ановна>. Каковы, неучи!.. в моем доме мне грубить, ну можно ли после этого им хоть день здесь остаться.. Вон их, вон их!..

Дарья. Ваша правда, сударыня.. такие беспокойства.. полно, смотрите на себя, ведь лица нет.. Не угодно ли капель гофманских?

Марфа Ив<ановна>...На что, на что.. лучше позови ко мне Юрьюшку..

Дарья. Сейчас. (Уходит.)

Марф<a> Ив<ановна>. Ну, может ли какая-нибудь холопка более быть привязана к своей госпоже, как моя верная Дашка.. (Молчание.) Ну вот однако ж я скоро отделаюсь от этих Волиных-братцев. Однако и Юрьюшка уедет и оставит меня одну.. видно так на небесах написано.. Я буду без него молиться, всякое воскресенье ставить толстую свечу перед богоматерью, поеду в Киев, а он ко мне будет писать.. (Кашляет.) Какой же у меня кашель, от нынешнего крику.. То-то и есть, что надо слушаться Евангелия и святых книг, не даром в них говорят, что не надо сердиться.. а нельзя: вот как начнут спорить младшие себя, сердце и схватит. То-то нынешний век, зятья зазнаются, внуки умничают, молодежь никого не слушается.. не так было в наше время.. бывало как меня свекровь тузила.. а всё молчу; и вымолчалось.. Как умерла моя свекровушка и оставила мне денег, рублей 30 000, да серебра да золота.. А нынче всё наше русское богатство, всё золото прадедов идет не на образа, а к бусурманам, французам. (Молчание.) Как посмотришь, посмотришь на нынешний свет.. так и вздрогнешь: девушки с мужчинами в одних комнатах сидят, говорят – индо мне старухе за них стыдно.. ох! а прежде, как съедутся бывало, так и разойдутся по сторонам чинно и скромно.. Эх! век-то век!.. переменялись русские.. (Смотрит назад в галерею.) Да вот и Юрьюшка идет.

Явление 5

(Юрий мрачно и тихо приближается, не глядя на старуху, за ним Дарья.)

Юрий (бледный, расстроенный, с неудовольствием, не смотря на М<арфу> И<вановну>). Вы меня изволили спрашивать?

Марф<a> Ив<ановна>. Да, мой друг! я давно желала говорить с тобой.. да как-то это редко мне удавалось.

Юрий (холодно). Мне самому очень жалко..

Марф<a> Ив<ановна>. Ты всё с отцом да с дядей, ко мне и не заглянешь.. видно я уж стара стала и глупа что ли? брежу, не так ли?..

Юрий. Я от самой колыбели так мало был с отцом, что вы мне перед отъездом позвольте с ним поговорить.. по крайней мере я так думаю..

Марф<a> Ив<ановна>. Кто ж тебе запрещает.. Однако ж я бы хотела тебе сказать и спросить у тебя что-нибудь важное..

Юрий. Я буду слушать.. (Дарье) Ступай вон..

Марф<a> Ив<ановна>. Зачем?.. Она может слышать..

Юрий. Мне совсем не нравятся такие свидетели.. Прошу вас выслать ее..

(М<арфа> И<вановна> дает знак, и она уходит.)

Мар<фа> Ив<ановна>. Знаешь ли, что твой отец наговорил мне тьму грубостей, и мы поссорились, и он едет завтра отсюда?

Юрий. Знаю-с.. но что ж тут до меня касается.. я сам еду с ним, если так..

Мар<фа> Ив<ановна>. Ты.. с ним.. едешь.. ты с ума.. сошел. Я тебя.. не пущу.

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Юрий. Вы меня не пустите? вы? – да что вы между отцом и сыном?.. разве я тот же ребенок, который равнодушно глядел на ваши поступки?.. или не знаете: между отцом и сыном один бог!.. И вы осмелились взять это место...

Мар<фа> Ив<ановна>. Так вот плоды моего воспитания!.. вот нынешняя благодарность!.. О, на что я дожила до сего времени... Юрий хочет меня оставить: в заплату всем моим благодеяниям... и никто не закроет мне глаза нежною рукой!..

Юрий. А ваша Дарья?

Мар<фа> Ив<ановна>. И ты смеешь! неблагодарный!.. Почему ты знаешь?

Юрий (в сторону). Вот совесть?.. я только назвал, а она всё отгадала.

Мар<фа> Ив<ановна>. Говори, злодей, не я ли тебя вскормила и образовала...

Юрий. Много мук, много бессонниц стоило мне ваше образование... вы хотели поселить во мне ненависть к отцу, вы отравили его жизнь... вы... Но довольно: вы сами знаете свои поступки... и вините себя!..

Мар<фа> Ив<ановна>. Так ты точно меня оставляешь для отца, злодея, негодяя, которого я ненавижу и который за меня поплотится... для него, неблагодарный?..

Юрий. Теперь я вам ничем больше не обязан... О!.. эти слова... заплатили за всё, за всё... простите. (Уходит.)

Мар<фа> Ив<ановна> (пораженная сидит безмолвно на креслах и в ужасном смущении). Он всё знает!..

(Занавес опускается.)

Конец 3-го действия

Действие четвертое

Явление 1

(Марфа Ивановна и Дарья. Первая на больших креслах в своей комнате.)

Марфа Ив<ановна>. Дай капель гофманских, Дашка.

Дарья. Сейчас, матушка. Что это с вами делается?..

Мар<фа> Ив<ановна>. Меня Юрий покидает... меня, которая его воспитала.

Дарья (притворно). Во всем, матушка, воля божия видна. Стало, вам так на роду было написано, горе мыкать в старости – уж я, сударыня, над вами нынче плакала, инда глаза красны.

Марфа Ив<ановна>. Он меня покидает, оставляет, как подлую нищенку на большой дороге, – верно, это злодеи, отец да дядя, его научили...

Дарья. Вестимо, сударыня, они, да и кому ж кроме их.

Марф<а> Ив<ановна>. Как будто не знают, что я его за это лишу имения. Уж не достанется Юрию ни гроша... хоть провались деньги мои.

Дарья. Ах! Марфа Ивановна, есть у нас поговорка, как волка ни корми, он всё в лес глядит.

Марфа Иван<овна>. Юрий меня для них покидает. Кто ж утешит мою старость. (Закрывает лицо платком и рыдает.)

Дарья. Что это вы, сударыня, себя убиваете... успокойтесь, матушка. (В сторону) Теперь я могу сделать славную штуку – заставя ее поссориться с зятем и внуком, сама их меж собой перессорю, да после, если это откроется, свалю на нее. А отняв именье у Юрья Николаича, верно, барыня мне даст много денег. Куда ж ей их девать? – сама не издержит. (К ней) Не угодно ли лечь?

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Марф<a> Ив<ановна>. О!.. я никогда на тебя не роптала, боже мой, а теперь не могу...

Дарья. И то сказать правду, – как вы ни старались переманить его к себе, а всё понапрасну, уж не вы ли его ссорили с отцом, не вы ли наговаривали, не вы ли именем прельщали Никол<ая> М<ихалыча>, если он оставит сына у вас – нет-таки – не удержали молодого барина.

Марфа Ив<ановна>. А не ты ли мне всё это советовала, не по твоим ли словам я поступала? – право, если <бы> мы не хитрили, гораздо бы лучше шли все дела мои... Ты, дьявол, мне жужжала поминутно про эти адские средства, ты... ты хотела моей печали и раздора семейственного...

Дарья (кланяясь). Власть ваша... а мое дело холопское; могу ли вам советовать? если вы послушаетесь моих глупых речей, так это вашей же милости... Да и какая же мне прибыль ваше горе... вот хоть теперь вы плачете, матушка, и я плачу, – разве мне легко по ночам-то не спать, сударыня... нет-с – мы, вся дворня, только и молим господа об вашем спокойствии, только и блюдем что ваше здоровье... (Молчанье.)

Марф<a> Ив<ановна>. Не знаешь ли, какое в моем положении средство осталось? как помочь?..

Дарья (подумав). Средств много... да вряд ли одно из них вашей милости понравится...

Марф<a> Ив<ановна>. Нужды нет, говори всё, смело.

Дарья...Просить прощенья у Николай Мих<алыча> и уговорить, чтобы он остался, так же как и Юрия Николаича, а после, второго можно как-нибудь и совсем оставить, притворясь больной... Тогда он уж не поедет в Неметчину.

Марф<a> Ив<ановна>. Ох нет, это не удастся... они нам уж не поверят... да к тому ж мне просить прощенье у зятя? мне? – я разве девчонка перед ним? Ни за что, ни за что в свете. (Молчанье.) Нет ли другого способа?..

Дарья. Насильно удержать.

Марфа Ив<ановна>. Нельзя. За это ответишь.

Дарья (кинув пронзительный взгляд). Клевета!

Марф<a> Ив<ановна>. Клевета? Что это... клевета? – как, объясни...

Дарья. Это, сударыня, последнее средство...

Марф<a> Ив<ановна>. Говори же скорей...

Дарья. Надобно, думаю так, поссорить Юрья Николаича с батюшкой его, тогда он поневоле к вам оборотится, вы же приласкайте его... говорится, что если человек тонет, так готов за плывущую траву ухватиться. Тут же, как молодой барин будет в отчаяньи, можно у него выманить честное слово – а на его слово и подозрительный жид рад будет положиться. Нечего сказать!..

Марфа Ив<ановна> (в смущении). Полно-полно – да как нам поссорить их?.. где средство?

Дарья. Я сказала уж, сударыня: клевета!

Марф<a> Ив<ановна>. Да как это...

Дарья. Надо довести до ушей Ник<олай> Мих<алыча>, будто бы Юрий Ник<олайч> вам говорит одно, а ему другое – вот и дело с концом-с. Другого средства навряд кто найдет...

Марф<a> Ив<ановна>. я тебе это дело препоручаю, Дашка... и берегись, если его испортишь!..

Дарья (подумав). Вот что мне кажется, Марфа Ивановна, – мы эдак их

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
перессорить-то перессорим, а Юрий Ник<олаич> всё вас покинет.

Марф<а> Ив<ановна>. Как... отчего? Стало быть, этот способ не годится.

Дарья (в сторону). Решительная минута. (Ей) Другого средства нет.

Марф<а> Ив<ановна>. Мне надо непременно Юрьюшку в руки... я без него жить не могу.

Дарья. Право, это вам так только кажется-с...

Мар<фа> Иван<овна>. И ты против меня.

Дарья. Как можно, сударыня. А я говорю, что нам не удастся перехитрить Волиных... а если удастся, так что пользы; молодой барин вас не успокоит больше... уж конечно... только вас же станет укорять, вам же беспокойства...

Марф<а> Ив<ановна>. Я хочу...

Дарья. Как угодно, матушка, я готова на все ваши приказания.

Марфа Ив<ановна> (в сторону). Однако ж она правду говорит – внук всё знает, так мне только на совесть свинец, если он будет жить в моем доме да укорять меня – бог с ним. (Дарье) Ну, я с тобой соглашусь, видно мне суждено промыкать старость сиротой – весело зато прежде жила. Однако ж мне хочется им отомстить!

Дарья (в сторону). Подействовало. (Ей) Да мое для мщенья лучшее средство. Уж наказанья Юрью Николаичу лучше не будет – у него негде будет головы преклонить, как разве на улице... да и Ник<олай> Михалычу будет жутко... много крови у них обоих попортится...

Марф<а> Ив<ановна>. Я хочу видеть их мученья... месть... месть!.. злодеи, прости боже мое согрешенье... не в силах, мать богородица и святые угодники – простите мне... поеду в Киев, половину имения отдам в церковь, всякое воскресенье 10-и фунтовую свечу перед каждым образом поставлю... только теперь помогите отомстить... теперь простите мне!.. (В расслаблении) Капель... Дашка! – дурно!..

Дарья (подает). Так я нынче же начну дело... только, сударыня, не беспокойтесь, не огорчайтесь... весь дом на вас не наплачется...

Марф<а> Ив<ановна>. Как не огорчаться...

Дарья. Ваша воля будет исполнена, матушка...

Марф<а> Ив<ановна>. Моя воля!.. ах!.. послушай, – ты так поступай, чтобы никто не знал...

Дарья. Слушаю-с... уж я...

Мар<фа> Ив<ановна>. То-то же!.. Отведи меня на постель. (Дарья ее доводит до двери.) Да послушай – поди возьми шкатулку... а я уж сама дойду с палкой. (Уходит.)

Дарья (берет шкатулку, вернувшись). Ха! ха! ха! теперь рыбки попляшут на сковроде... Эта старуха вертится по моему хотенью, как солдат по барабану... Я теперь вижу золотые, серебряные... ха! ха! ха!.. в руке моей звенят кошельки... без них ведь я буду хозяйкой здесь... барыня-то слаба: то-то любо!.. Не дай бог однако ж, чтоб умерла... при ней-то мне тепло... а тогда... придет дело плохое за все мои козни, особливо если они откроются... мне скажут, грех тяжкий эти сплетни, бог накажет... как бы не так... я слыхала от господ старых, что если на исповеди всё скажешь попу да положишь десять поклонов земляных – и дело кончено, за целый год поправа. Да и что за грех – штука теперешняя, я не понимаю, – поссорить отца с сыном – не убить, не обокрасть... помиряются... ведь... экая важность поссорить отца с сыном... хи! хи! хи! (Хочет идти в комнату госпожи с ларчиком, но на пути останавливается.) Да! я позабыла подумать, как распустить мои ложные вести... (Подумав) Всего лучше чрез людей Василья Мих<аляча>, как ненарошно. А он узнав не помешкает объявить приятную весточку братцу своему. (Уходит.)

явление 2

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
(Сад, день. Декорация последней сцены 2-го действия.) (Юрий входит... расстроенный вид.)

Юрий. Дурно кончаются мои дни в этой деревне... последние дни... какие сцены ужасные... мое положение ужасно, как воспоминанье без надежд... чрез день... мы едем... но куда. Отец мой имеет едва довольно состояния, чтоб содержать себя... и я ему буду в тягость... в тягость... О! какую я сделал глупость... но тут нет поправки... нет дороги, которая бы вывела из сего лабиринта... (Молчание.) Что я говорю?... нет, моему отцу я не буду в тягость... лучше есть сухой хлеб и пить простую воду, в кругу людей любезных сердцу... нежели здесь веселиться среди змей и, пируя за столом, думать, что каждое роскошное блюдо куплено на счет кровавой слезы отца моего... это ужасно... это адское дело... (Слышен разговор.)...Но кто идет в аллее – две тени... Заруцкий... его мундир... а это... Элиза... нет, нет... это Любовь... отчего сердце мое так молотком и бьется, будто бы хочет выскочить. Что всё это значит? – Опять искушенье – опять. (Прячется.)

(Меж тем Любовь и Заруцкий входят в полном разговоре и останавливаются, так что ему нельзя слышать слов, но можно видеть, не будучи примечену.)

Явление 3

Заруцкий. Умоляю вас. Сделайте меня счастливым. Вы не знаете, как горячо мое сердце пылает, если вы никогда не любили – но если когда-нибудь Купидон заглядывал в ваше сердце... то судите по себе. Во имя того юноши, который мил вам, заклинаю вас, приведите ее сюда...

Любовь. Вы слишком дерзки, сударь... почему вы знаете, люблю ли я кого-нибудь... поймали меня в саду, нечаянно... и не даете мне покоя. Думаете: я не могу острмить вас, велеть прогнать или пожаловаться папеньке... другая бы этого не сделала... и то для того, что вы приятель Юрья Николаича.

Заруцкий (в сторону). Хорошо! (Ей) Именем его заклинаю вас. (Становится на колени.) Заклинаю вас, выведите Элизу... вы будете тут...

Юрий (за деревом). И она может терпеть это... злой дух испортил ее сердце... о! (Стонает.)

(Заруцкий берет ее руку.)

Довольно!.. пистолеты будут готовы в минуту... и (с дикой радостью) он мне поплотится своим мозгом. (Уходит.)

Любовь (в сторону). Если бы он не был таков, как Юрий, мог ли бы он быть его другом: а он меня сделал такой счастливой; зачем же завидовать сестре. (Ему) Дайте мне вторично слово во зло не употребить снисхождения Элизы.

Заруцкий. Клянусь.

Любовь. Я не нуждаюсь в ваших клятвах, дайте мне только честное слово. Но я не хочу насильно его у вас вырвать; пускай это будет добровольно.

Заруцкий (вставая). Мое гусарское слово.

Любовь. Точно? – Ну я согласна! – только чур помнить уговор. (Убегает.)

Заруцкий. Ну вот и мои дела приходят к окончанью – это славно – что за важность, если я изменю своему слову: женщины так часто нас обманывают, что и не грешно иногда им отплатить той же монетой. (Закручивая усы.) Элиза эта преинтересная штука, хотя немного кокетится – да это ничего. Первое свиданье при свидетелях, а второе tête à tête[9] Можно отважиться – а если нет, ну так можно жениться – впрочем, мне этого не очень хочется. Гусарское житье, говорят, повеселее.

(Юрий быстро входит с пистолетами.)

Юрий. Господин офицер..

Заруцкий. Мой друг!..

Юрий. Так вы меня называли прежде.

Заруцкий. И теперь, надеюсь.

Юрий (подаёт ему пистолет). Вот наша дружба.

Заруцкий. Как? что это значит?

Юрий (отвернувшись). Берите.

Заруцкий. Я не хочу! – растолкуй мне, за что и на что?.. я не возьму... может быть, ошибка... и за это, чорт возьми... я не стану с другом стреляться.

Юрий (с горьким тоном). Трус...

Заруцкий. Ты, брат, с ума сошел или шутишь. (Отталкивает подаваемые пистолеты.)

Юрий (в сторону). Если он меня убьет, она ему не достанется; если я его убью... О! мщенье!.. она ему никогда не достанется, ни ему, ни мне... пусть так... теперь я понимаю, отчего он не хочет стреляться – он не хочет ее лишиться... Как желал бы я быть на его месте. Смерть ему, похитителю последнего моего сокровища, последнего счастья души моей... смерть и проклятье!.. (Ему) Трус, слабодушный ребенок... не тебе быть гусаром, ты способен стоять на коленках пред женщинами... ха! ха! ха!.. Стыдись, мямля, бери-ка пистолет.

Заруцкий (подходя). Так Юрий в самом деле не шутит?

Юрий (показывая на оружие). Моя последняя шутка здесь... (Кидает один пист<олет> на землю.)

Заруцкий. О! это много для шутки. (Подымает пистолет.) Мы стреляемся здесь!..

Юрий. В самом деле?.. Небо или ад мне послало это блаженство? благодарю тебя, мой помощник...

Заруцкий. Только ты мне должен объяснить...

Юрий. Дай честное слово, что будешь стреляться.

Заруцкий. Вот оно!..

Юрий. Ты похитил у меня ее сердце, сердце той... что была сейчас здесь... да!.. этого... кажется, довольно, слишком для меня довольно.

Заруцкий. Я очень рад, что это так, ибо ты ошибаешься... выслушай только.

Юрий. Я не слушаю... я не верю ничему больше на свете, этот миг переменяет мое существование...

Заруцкий. Да я не стану без того стреляться...

Юрий (с дикой радостью). А твое честное слово.

Заруцкий (в сторону). Проклятое честное слово...

Юрий. Стреляй!

Заруцкий. Я готов. (Про себя) Выстрелю на воздух!

Юрий (в сторону). Может быть он еще не виновен, может быть она меня обманула... разве он не имел права ее любить, если был любим... однако ж это требует крови, крови... пускай моя кровь прольется. (Берет его за руку.) Будем стреляться друзьями...

Заруцкий. Что это? откуда эта перемена?

Юрий. Позволь мне умереть твоим другом.

Заруцкий. К чему ж стреляться?

Юрий. Ах!.. я хочу умереть или тебя убить, тайна тяготит мое сердце... короче: я должен с тобою стреляться...

Заруцкий. Но какая тайна?

Юрий. О нет! не испытывай меня... не принимай участия, его не должно для меня существовать... не срывай покрывала с души, где весь ад, всё бешенство страстей... позволь, лучше позволь мне тебя обнять в последний раз. (Обнимает.) (Поднявшись) Так всё кончено... я сделал должное... последняя слеза всех моих слез, свинцовая слеза моих страданий упала ему на грудь... ее может быть пробьет мой свинец; что ж?.. он будет тогда счастливее меня. (К нему) Добрая ночь, друг... а попы нам отпоют вечную память. (Становятся.)

Заруцкий (наводит пистолет). Раз... два...

Юрий. Постой!..

Заруцкий. На что!..

Юрий. Ты должен мне клясться, что если я буду убит... то ты ее больше ни разу не обнимешь... что ты кинешь ее навсегда... Заруцкий!.. Заруцкий!.. не забудь, что мы еще друзьями... ты должен отомстить меня... Я для тебя всё сделал, что нужно. У меня в кармане бумага, где написано, что я сам застрелился... а ты беги! беги!.. совесть не должна тебя мучить: она всему виною...

Заруцкий. Твой ум расстроен: – ты не знаешь, про кого говоришь...

Юрий. Не говори, не оправдывай ее: она черна, как сажа... Не эта ли девушка клялась в любви на груди моей, не здесь ли хранится ее клятва?.. Я преклонял мои колена, как перед ангелом, ангелом невинности – боже всемогущий, прости, что я оклеветал твоё чистейшее творенье!..

Заруцкий. Коли дело делать, так скорей, нам могут помешать...

Юрий (в задумчивости). Какой адский дух толкнул меня за это дерево... зачем я должен был увидеть обман, мне приготовленный, зачем, выпивая чашу яда, мне должно было узнать о том, – в ту минуту, когда напиток уже на языке моем... Может быть без этого я бы скоро ее разлюбил или провел месяцы наслажденья спокойного, на груди изменницы, но теперь, теперь, когда я сам видел... теперь... змея ревности клубится в груди моей... ненависть пожирает мою душу... я должен отомстить за оскорбленное мое сердце...

Заруцкий. Воин! готовься!..

Юрий (не слышит). ужели это была необходимость; ужели судьбе нет другого дела, кроме терзать меня... она знает, что человек слабее ее: ты, грудь моя, бывшая всегда жертвенник одних высоких чувств... окаменей подобно ее сердцу... пускай на тебе дымит мщенье... О! для чего в первые минуты любви закрыты от нас муки ревности?.. Но он, он... мой друг; ах! зачем! я б раздробил его череп... теперь я должен умереть... и что для меня жизнь, что снова блеснет разочарованной душе двадцатилетнего старика, (подумав) так я стар... довольно жить!..

Заруцкий (бьет его по плечу). Теперь не время размышлять... или ты боишься?..

Юрий (как от сна). я готов! (Оборачивается и открывает лоб.) Дай я буду считать... когда скажу: три... спускай... раз – два (останавливается)... не могу... чудо! сердце охладело... слова не льются... но я возьму верх.

(Слышен крик. Вбегает Любовь.)

Любовь (подбежав к Юрию, видит пистолет). Ах!.. что это такое...

Юрий (отходя прочь). Ничего!..

Любовь (к Заруцкому). Ради неба!.. что это значит! (Молчание.) Даже вы не хотите мне сказать... (К Юрию) Зачем эти пистолеты!.. и ствол к тебе...

Юрий (язвительно). Спроси у него... у этого гусара в золотом ментике и с длинными усами, он и теперь лучше удовлетворит твоему желанию, чем я.

Любовь (с нежным укором). Юрий! зачем такой холодный тон... как ты скоро переменялся...

Юрий (в сторону). О непостижимое женское притворство. (Ей) Оставьте меня... я сказал вам, спросите у Заруцкого!..

Заруцкий (подходит к Юрию). Нам помешали – итак до завтрашнего... (Уходит.)

Юрий.. Как знать, что будет завтра?.. может быть я буду счастлив, может быть я буду лежать на столе... (Любови) Что вы не пошли за ним, он вас любит больше меня...

Любовь. Какая холодность – но мы теперь одни, растолкуй мне эту тайну, умоляю тебя самим богом...

Юрий. Не им ли ты клялась любить меня...

Любовь. Я сдержала мою клятву.

Юрий. Я и позабыл, что она не клялась любить меня одного... быть может, она права; кто знает женское сердце, – говорят, оно способно любить многих вдруг...

Любовь (с грустью). О! как ты несправедлив...

Юрий. Против тебя? я несправедлив?.. и ты можешь так равнодушно говорить... как будто... о, трепещи, если я докажу тебе.

Любовь. Чего мне бояться? Совесть моя чиста...

Юрий. Ее совесть? Ад и проклятье... Я тебя любил без всякой цели, но это благородное чувство впервые обмануло меня. За каждую каплю твоей крови я был готов отдать душу; за один твой веселый час я заплатил бы целыми годами блаженства... и ты... мне изменила!..

Любовь. Как?.. такая клевета, ужасное подозренье, вышло из твоего сердца?.. Не верю! ты хотел испугать меня. (Берет его за руку.) Ты шутишь... о скажи: ты шутишь!.. Юрий! перестань; я не... вынесу... этого...

Юрий (в бешенстве). И ты не стыдишься перед этими деревьями, перед цветами, растущими вокруг, пред этим голубым сводом, которые были свидетелями наших взаимных обещаний... посмотрите, деревья, с какой адской улыбкой, притворной невинностью она стоит между вами, недвижна, как жена Лотова... взгляни и ты, девушка, на них... они качают головами, укоряют тебя, смеются над тобой... нет... надо мной они хохочут... слышишь, говорят: безумец, как мог ты поверить женщине, клятвы ее на песке, верность... на воздухе... беги, беги, уже зараза смертельная в крови твоей!.. беги далеко, из родины, где для тебя ничего больше нет... беги туда, где нет женщин... где ж этот край благословенный, пушись искать его... стану бродить по свету, пока найду, и погибну... где?.. лишь бы дальше от нее... а то мне всё равно! – простите места моего детства, прости любовь, надежда, мечты детские... всё свершилось для меня... (Хочет бежать, Любовь, как пробудившись, вдруг останавливает его.)

Любовь. Остановись, на минуту!.. не погуби невинную девушку. (Жалобно) Слушай, жестокий друг: клянусь, в первый раз клянусь всем страшным для меня, что я тебя одного любила и люблю!.. чего тебе еще больше; неужели и эти слова тебя не уверяют? Юрий!.. отвечай мне ласково, иначе ты убьешь меня. (Сильнее прижимает к себе его руку.)

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
Юрий (почти не слышав ее слов). Какой сильный дух остановил меня? отчего я еще здесь... Моя голова пылает, мысли мешаются, (старается вырваться) пусти... пусти.

Любовь. Юрий! не пусти тебя, пока ты не признаешь меня невинною, до тех пор смерть не оторвет меня от ног твоих; я обниму колени, если ты отрубишь руки, я зубами стану держаться, позволь мне тебе всё объяснить!..

Юрий (холодно). Вы справедливы..

Любовь. Ты говоришь не от сердца.

Юрий. Ты невинна, непорочна... пусти меня..

Любовь (пускает слабже его руку, но Юрий не выдергивает свою, и она остается). Помнишь ли ты прошедшее? – ты сам признавался, что моя нежность сделала тебя счастливейшим человеком, я верю, ибо люблю тебя со всем пламенем первой страсти... вспомни, что ты мне рассказывал давно уже; ты говорил, что предмет первой любви твоей своею холодностью сделал твой характер мрачным и подозрительным, что с тех пор твое сердце страдает от нанесенной язвы... (Юрий глядит в сторону, дабы скрыть смущение.) А ты губишь первую любовь бедной девушки... суди по себе... ты сделался мрачен, а я не перенесу этого.. Неужели ты такой эгоист, что считаешь себя одного с чувством и душою.. О Юрий, ты так обманул меня; ты говорил о привязанности своей ко всему миру, ко всем людям, а ныне не имеешь сожаления к бедной девушке..

(Юрий в сильном смущении.)

Но ты плачешь... о, не верю, что ты совсем меня отвергнул, нет, я еще любима, – не верю твоей холодности, она пройдет, ревнивый мужчина!.. видишь: я у ног твоих прошу пощады: люби меня... выслушай оправданье..

(С рыданьем упадает перед ним и обнимает его колена. Юрий в сильном движеньи; рыданья останавливают вырывающиеся слова; он плачет.)

Юрий (дрожащим голосом). Прочь, прочь... сирена... прочь от меня..

Любовь (встает и поднимает глаза к небу. Тихо). О боже! боже мой!..

Юрий (отошел в сторону). Слабость! слабость! Она мне напомнила про первую любовь, про первые муки душевные – и я заплакал; но она не тверже меня духом; я заставлю ее, бледнея и дрожа, признаться в измене... (Молчание.) Я не знаю, она еще так много власти имеет надо мною, что надо призвать всю твердость, чтоб совершенно окаменеть... так, я не должен иметь ни малейшей жалости к прекрасному личику этому... я желал бы ее сделать безобразною, чтобы совершенно истребить из груди любовь. (Берет пистолет и подходит к ней.) Видишь ли это оружие... я могу чрез одно пожатие пальца превратить тебя в окровавленный труп... видишь. (Прицеливается.)

Любовь. Стреляй, если можешь..

Юрий (бросает пистолет. С досадой). Женщина!

Любовь. Неужели думаешь, что я дорожу теперь жизнью.. нет, я никогда не наслаждалась ею и умею не бояться убийцы. (Опускает снова в задумчивости голову и руки.)

Юрий (мрачный, приближается к ней). Наши сердечные связи расторгнуты, виновна ты или нет. Я не буду любить тебя, я не могу, если б даже и хотел... (Глядит ей пристально в глаза и берет руку.) Вот перстень, который ты мне дала недавно: возвращаю его тебе, как ненужного свидетеля любви моей. Возьми его назад. Я еду из родины в чужие края, ничто больше здесь меня не задержит... (Тронутый) Благодарю тебя за лучшие часы моей жизни и ни за что не укоряю. Ты показала, что можно быть совершенно счастливо у сердца нежной женщины и что это блаженство короче всех блаженств... (Жмет руку ей.) Благодарю тебя, любовь!.. (Молчание.)

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
После чего Юрий с жаром продолжает) О друг мой! оставь свое бесполезное упрямство. Ты меня не разуверишь, ибо я сам всё видел... но... признайся чистосердечно, что ты виновна, тогда, быть может, я снова полюблю тебя...

Любовь (гордо). Нет! я на свою честь не буду клеветать... Впрочем, мое признание было б бесполезно, если б я была в самом деле виновна пред тобою...

Юрий. Итак ты не хочешь...

Любовь (твердо). Не могу и не должна!..

Юрий. Прощай. (Идет, но ворочается.) дай мне последний поцелуй. (Берет ее руки.) Прощай, Любовь, прощай надолго!.. (Целует ее в губы.) (В восторге) Нет! нет! эти уста никогда не могли быть преступными, я б никому не поверил, если б... проклятое зренья!.. Бог всеведущий! зачем ты не отнял у меня прежде этого зренья... зачем попустил видеть, что я тебе сделал, бог!.. О! (с диким стоном) во мне отныне нет к тебе ни веры, ничего нет в душе моей!.. но не наказывай меня за мятежное роптанье, ты... ты... ты сам нестерпимую пыткой вымучил эти хулы... зачем ты мне дал огненное сердце, которое любит и ненавидит до крайности... ты виновен!.. Пусть гром упадет на меня, я не думаю, чтоб последний вопль давно погибшего червя мог тебя порадовать... (В отчаяньи убегает.) (Молчание.)

Любовь (оглядывается). (Жалобно) Он ушел! О, я несчастная девушка!.. (Упадает в слабости на скамью дерновую.)

(Занавес опускается.)

Конец 4-го действия

Действие пятое

Явление 1

(Комната Николая Михалыча, сундуки и чемоданы готовы к отъезду.)

Васи<лий> Мих<алыч> (входя, слуге, который идет за ним). Что? что? не может быть. Неужели это правда?

Слуга. Точно так-с...

Васи<лий> Мих<алыч>. Так, так, мне самому это всё казалось... экой шельма... поди позови брата сюда моего... экое несчастное дело! (Уходит слуга.) Ну как объявить ему теперь – просто, да просто – надобно за один раз кончать эти сплетни. (Садится.) Надобно порядком распечь племянника моего, – экую он заварил кашу – однако я пощажу его немного. Молодость! всё молодость! хотя это такой порок, от которого всякий день мы исправляемся, – может быть, он и не совсем так говорил, или что-нибудь да не так тут есть... впрочем, я не думал бы никак, чтоб Юрий дошел до такой низости, если б (в задумчивости опускает голову)... Ба! – что это за записка: Ma chère[10]... это любопытно. (Подымает записку – вдруг вскакивает в изумлении и долго молчит, смотря на записку, потом с досадой говорит) Как... к Любви – к моей дочери любовное письмо – свидание... Юрий... нет, этого я не стерплю. (Молчание.) Видно это давно написано, потому что на полу валяется, как всё старое. (Молчание.) Ну, говори, что я несправедливо делал, любя дочерей моих неодинаково... Я наперед как предчувствовал это... вот Лизушка такой штуки не сделает... с братом двоюродным любовное свиданье – где это на свете видано... О! я ему отомщу; будет теперь меня помнить. После этого чего нельзя от него ожидать, от обольстителя двоюродной сестры!.. (Ходит взад и вперед.) Однако припрячу записку до случая. (Кладет в карман.) Но вот и брат идет, кажется...

явление 2

(Николай Михайлович входит.)

Ник<олай> Мих<алыч>. Что это, брат, такое, что опять за важное дело. У меня, право, их теперь так много, что не знаю, куда с ними деваться.

Васи<лий> Мих<алыч>. Да дело немаловажное, касающееся до тебя и до твоего сына.

Ник<олай> Мих<алыч>. М<арфа> Ив<ановна> что-нибудь еще хочет сочинить, не правда

Васи<лий> Мих<алыч>. Нет, до нее тут ничего не касается.

Ник<олай> Мих<алыч>. Эх, братец! так что же тут может быть важного. Ты меня только оторвал от занятия... об этом после можно поговорить.

Васи<лий> Мих<алыч>. То-то нельзя...

Ник<олай> Мих<алыч>. Что же это?

Васи<лий> Мих<алыч>. Твой сын...

Ник<олай> Мих<алыч>. Мой сын – лучший из сынов. Благороден, справедлив, хотя мечтателен, и меня любит, несмотря на все происки старух...

Васи<лий> Мих<алыч>. Хм! хм! хм!

Ник<олай> Мих<алыч>. Что ты так смотришь? Неужели кто-нибудь может сказать нет?

Васи<лий> Мих<алыч>. Нет! – не то, чтобы не любил совсем; а это еще подлежит сомнению.

Ник<олай> Мих<алыч>. Как сомнению? что это! Неужели ты так об нем думаешь? – братец!

Василий Мих<алыч>. Да думаю.. и, может быть, ты сам скоро начнешь думать.

Ник<олай> Мих<алыч>. По крайней мере он до сих пор не подал мне повода почитать его бесчестным человеком.

Васи<лий> Мих<алыч>. Вот видишь: есть люди, которые умеют так скрыть цель свою и свои поступки, что...

Ник<олай> Мих<алыч>.. Братец! Юрий не из таких людей...

Васил<ий> Мих<алыч>. Человек неблагодарный не может быть хорошим человеком.

Ник<олай> Мих<алыч>. В нем этого нет...

Васи<лий> Мих<алыч>. А как есть? Разве Марфа Ивановна не воспитала его, разве не старалась об его детстве, разве не ему же хотела отдать всё свое имение, а он – оставим – ну, да это для отца, – да как поступает с ней; со стороны жалко смотреть, – груб с нею, как с последней кухаркою...

Ник<олай> Мих<алыч>. Что же из этого всего ты хочешь вывести?.. Ради бога объяснись!..

Василий Мих<алыч>. А то хочу вывести, что он, обманув ее, может обмануть и тебя. Видишь: тебе кажется, что он с ней так дурно поступает, ее оставляет, про нее дурно говорит... а, кто знает, может быть, и ей он на тебя бог знает как клеветает.

Ник<олай> Мих<алыч>. Стыдись! – это всё одни несправедливые подозрения! – помилуй! что ты делаешь?

Васи<лий> Мих<алыч>. Я хочу тебе открыть глаза из одной дружбы к тебе, и у меня, поверь, не одни подозрения – без доказательств не смел бы я говорить.

Ник<олай> Мих<алыч>. Да тут нет доброго смысла, братец!..

Васи<лий> Мих<алыч>. Отчего же?

Ник<олай> Мих<алыч>. Ну ты верно согласишься, что Юрий умен!

Васи<лий> Мих<алыч>. Глупый человек не может быть так лукав!..

Ник<олай> Мих<алыч>. Итак согласен! Какая же тут цель? Он должен бы был понять, что эти сплетни, как ты говоришь, ни к чему не послужат!

Васи<лай> Мих<алыч>. То-то и дело: он умен, потому-то я еще и не совсем дошел до цели. А в том, что я теперь тебе расскажу – я уверен. Слушай же: вчерась, в ее комнате, он говорит своей бабке: довольны ли вы теперь моей привязанностью! вам тяжело присутствие моего отца! я ему про вас наговорил, он с вами побранился – и теперь вы имеете полное право ему указать порог...

Ник<олай> Мих<алыч>. Ужасное бесстыдство...

Вас<илий> Мих<алыч>. Да – но это не всё...

Ник<олай> Мих<алыч>. Что еще может быть ниже этого!.. но нет, не верю.. не верю.. кто слышал это? (Берет его сильным движением за руки.) Отвечай, кто слышал?.. кто?

Вас<илий> Мих<алыч> (в сторону). Беда! надобно солгать. (Ему) Я – я слышал... право я...

Ник<олай> Мих<алыч>. Непостижимый случай. Сын... не могу подумать этого – изверг!..

Васи<лай> Мих<алыч>. Успокойтесь!.. успокойтесь...

Ник<олай> Мих<алыч>. Мне успокоиться? Ха-ха!.. (Звенит, человек входит.) Сына моего пошли. Сию минуту отыщи его, хотя б он был у самого чорта... слышишь. (Ходит взад и вперед по комнате.)

Вас<илий> Мих<алыч>. Но я тебя прошу, братец, поменяжируй, поменяжируй его... пожалуста – ведь я так только тебе сказал, а не для того, чтобы сделать из этого целую историю... пощади его, ведь он еще молод, видишь ли... братец...

Ник<олай> Мих<алыч>. (в бешенстве). Никогда– никогда – мне его пощадить – нет – я ему дам нагонку – кто б подумал – такое злодейство... хотя бы капля совести – ничего! до тех пор меня обмануть... О! он дорого мне это заплотит... (Ходит взад и вперед.)

Вас<илий> Мих<алыч> (в сторону). Вот, кажется, и Юрий идет сюда – сяду на это кресло и, как ни в чем не бывало, стану слушать. Да я б желал, чтоб ему хорошенько досталось – ведь видно, что родства не знает. Любовное свидание с моей дочерью! Боже, боже мой! экая нынче молодежь! Ну ж, я ему отплатил! В таких случаях солгать простительно! (Садится возле стола.)

Явление 3
(Прежние и Юрий (входит тихо).)

Юрий. Вы меня спрашивали, любезный батюшка?

Ник<олай> Мих<алыч> (в сторону). Любезный! я ему задам такой любезности, что он будет помнить.

Юрий (ближе). Батюшка! что вам угодно?..

Ник<олай> Мих<алыч> (оборачиваясь. Сердито и строго). Кажется, вам бы можно со мной поучтивее обращаться...

Юрий (в удивлении отступает назад).

Вас<илий> Мих<алыч> (в сторону). Идет хорошо покуда.

Ник<олай> Мих<алыч>. Кто тебе велел сюда придти?

Юрий (всё еще смотрит на него).

Ник<олай> Мих<алыч>. Повторяю, зачем ты сюда пришел?

Вас<илий> Мих<алыч>. Да ведь ты, братец, за ним, кажется, посылал!..

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Ник<олай> Мих<алыч>. Знаю сам. Да я хочу, чтобы он отвечал... (С презрением.)
Видишь, как смотрит, точно бык. (Юрию) Что ты молчишь, негодяй?

Юрий. Что такое?.. но вы, верно, шутите, батюшка, перестаньте, прошу вас; нынче такие шутки мне слишком тяжело легли на сердце... кончите...

Ник<олай> Мих<алыч> (сердито). Смотри, пожалуста – я с ним шучу!.. нет серьезно говорю, сударь, что ты негодяй, скверный человек.

Юрий (горячо). Батюшка, я не заслужил этого!

Ник<олай> Мих<алыч>. Ты заслужил больше... ты стоишь, чтоб я тебя прибил... и еще больше.

Юрий (гордо и с увеличивающимся жаром). Вспомните, что я уже не ребенок... не доведите меня до крайности, моя голова довольно нынче разгоряченна... Я невинен, ручаюсь честью!.. но за себя не всегда могу отвечать!.. не...

Ник<олай> Мих<алыч> (прерывает). Отец всегда, имеет право над сыном... а ты хочешь идти против меня, неблагодарный?..

Юрий. Так, я не благодарен, только не к вам. Я обязан вам одною жизнью... возьмите ее назад, если можете... О! это горький дар...

Ник<олай> Мих<алыч>. Что ты хочешь сказать этим...

Юрий. Для вас я покидаю несчастную старуху, хотя мог бы быть опорой последних дней ее... Она мне дала воспитание, ухаживала за моим детством, ей обязан я пропитаньем, богатством, всем, что я имею, кроме жизни... и в несколько дней я ее приблизил к могиле... К ней я неблагодарен... я не должен был смотреть на ваши распри: обязанность человечества должна была занять мое сердце... но для вас я сделал великое преступление... и вы меня обвиняете, вы, мой отец... нет, это свыше границ возможного!..

Ник<олай> Мих<алыч>. Ты можешь так бесстыдно лгать, лицемер... ты, который своими низкими сплетнями увеличил нашу ссору, который, надев маску привязанности, являлся к каждому и вооружал одного против другого, через которого я как последний нищий выгоняем из этого дома... несчастный; если б я это знал, я б тебя удушил при твоём рождении, чтоб никогда глаза мои не видали такого чудовища!..

Юрий (бросается к ногам его). Ради всего страшного, не продолжайте, отец мой!.. я почти понимаю, что вы хотите сказать... клевета... клевета... всё клевета... не верьте никому... кроме мне... я вас люблю, я это доказал...

Ник<олай> Мих<алыч>. Змея...

Юрий. Рассмотрите, узнайте... но берегитесь меня доводить до отчаяния: я невинен!..

Ник<олай> Мих<алыч>. Я всё знаю... теперь поздно твое коварство. Тебе не удалось нынче. Сквозь этот огорченный вид невинности, сквозь эти бледные черты, я вижу адскую душу... отрекаюсь от нее: ты больше мне не сын... прочь, прочь отсюда с твоим наследством. Ты мне золотом не заклеишь язык... я всё тебя отвергну, хотя б с тобой были миллионы... такое коварство... почти отцеубийство, если не хуже, потому что я тебя любил... и в таких молодых летах... прочь, прочь... я не могу слышать тебя близко!.. мое состояние самое опасное, может быть и скоро совсем разорюсь... буду просить милостыню... но верь мне, даже не подойду к твоему окошку... я не захочу встре<тить> на нем печать моего проклятья... сердце мое тогда бы облилось сожаленьем... я этого не хочу – прочь!..

Юрий (вздрагивает при слове проклятье и, быв прежде в ужасном движении, вдруг становится как окаменелый).

(Молчание.)

Васил<ий> М<ихалыч> (подходит к брату). Не довольно ли? Посмотри, как он бледен...

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru как мертвец.

Ник<олай> Мих<алыч>. Так его и надо... нужды нет!.. он еще может раскаяться...

Юрий (вдруг с диким смехом). Ха! ха! ха!.. отец проклял сына... как это легко... Посмотрите, посмотрите, посмотрите на это самодовольное лицо... посмотрите на эти спокойные черты: этот отец проклял сына!.. (Уходит в сильном, но молчаливом отчаянии.)

явление 4
(Прежние без Юрия.)

Ник<олай> Мих<алыч>. Он ушел?..

Вас<илий> Мих<алыч>. Кажется, братец, кажется.

Ник<олай> Мих<алыч>. Я так утомился, мне надобно отдохнуть... о, не дай бог иметь такие дни в жизни никакому отцу.

Вас<илий> Мих<алыч>. Ты прав, братец... не дай бог...

Ник<олай> Мих<алыч> (уходит).

явление 5
Вас<илий> Мих<алыч> (один). Уж досталось тебе, негодяй... Если б я еще последнее сказал да представил это письмо, так не то бы еще было – да так уж пожалела моя душа... Теперь пойду, однако ж дочку свою не стану еще бранить... будет время... и без нас здесь шуму и горя довольно... ох, ох! ох!.. (Уходит за братом своим.)

явление 6
Дарья (которая подслушивала за противоположной дверью, выходит на цыпочках). Всё кончено – слава богу, мне удалась эта, как многие другие, однако лучше этой еще ни одной не могу запомнить. Так прекрасно через людей передала я свою выдумку Вас<илию> Мих<алычу> – а тот сдуру и поверил... Ну ж мне будет благодарность от госпожи моей... денег-то, денег-то... а уж этот Волин, зажгла я его хоромы, и морем не потушит... теперь всё наше... хоть заране молебн святым угодникам служи... Однако ж, потороплюсь объявить свою новость барыне... добро вам, незваные гости!

явление 7
(Дарья хочет уйти, но встречается в дверях с Марфой Ивановной.)

Марф<а> Ив<ановна> (входит с палкой). Дашка! Дашка! что тут случилось! скажи скорей! я слышала шум... вижу радость на твоём лице... что такое? Дашка! подай стул...

Дарья (подвинув стул). Что случилось, сударыня?..

Марфа Ив<ановна>. Ну, да! говори же.

Дарья. Что случилось?!..

Марф<а> Ив<ановна>. Какое дурацкое эхо!.. отвечай же скорей.

Дарья. Случилась маленькая комедь между батюшкой и сынком... не извольте бояться – это ничего: Юрья Николаича батюшка побранил да в шутку и проклял; а тот огорчился. Вот вам всё, сударыня.

Марф<а> Ив<ановна>. Проклял... ты этому виною, негодяйка... ты (поднимает руку на нее) своими сплетнями это сделала...

Дарья. Да ведь вы сами, матушка, приказывали. (Кланяясь) Чем же я могла вас прогневить...

Мар<фа> Ив<ановна>. В ссылку сошлю, засеку... я тебе сказала, чтоб поссорить их... но разве не ты мне это присоветывала... теперь что с ним будет, с Юрьюшкой... погубит он свою душу... прочь, адский дух, прочь... с глаз моих долой... в Сибирь... в ад... ах, я несчастная... окаянная... что это мы наделали...

Дарья (повалившись ей в ноги). Помилуйте... мать родная... золотая... серебряная...
государыня... спасите меня...

Марфа<а> Ив<ановна>. Как могло это до того дойти... кто б подумал... о, эта змея
проклятая... о! если б я знала, я бы скорее помирилась тысячу раз с Волиным... лишь
бы не дошло до этого... на старости лет такой грех на мне... Он погиб теперь... и я
погибла... и все... все... Уф! как темно... как холодно... будто... будто железная рука
выдавила последнюю каплю крови из моего сердца... там светло... вот чаша... в ней
вода... в воде... яд. (Молчание.) (Тихо) Отойди... отойди... упрекающее дитя... отойди,
чего ты от меня хочешь?... ты говоришь, что ты душа моего внука!.. Нет... откуда
тебе взяться?... Ох! ох!.. не трогай руки моей!.. я тебя не знаю... не знаю...
никогда тебя я не видала. (Уходит с признаками сумасшествия.)

Дарья (встав). Она сошла с ума – теперь опять всё наше, опять дело выиграно.
(Уходит с веселым лицом.)

явление 8

(Комната Юрия: темно. Он стоит возле стола, опершись на него рукою; возле него
стакан воды. Иван, слуга его, стоит недалеко.)

Иван. Здоровы ли вы, барин...

Юрий. На что тебе?

Иван. Вы так бледны...

Юрий. Я бледен?... Может быть, скоро буду еще бледнее.

Иван. Ваш батюшка только погорячился, он скоро вас простит...

Юрий. Поди, добрый человек, это до тебя не касается.

Иван. Мне не велено от вас отходить...

Юрий. Ты лжешь!.. Здесь нет никого, кто б занимался мною... Я здоров: поди же
прочь.

Иван. Напрасно, сударь, хотите меня в том уверить, ваш расстроенный вид,
бродящие глаза, дрожащий голос показывают совсем противное...

Юрий (вынимает из шкатулки, на столе стоящей, кошелек. В сторону). Я слышал, что
в людях это (показывая на кошелек) многое может произвести. (Ивану) Возьми это –
и ступай отсюда, здесь тридцать червонцев...

Иван. За тридцать сребреников продал Иуда Иисуса Христа... а это еще золото... нет,
барин, я не такой человек... хотя раб, а не решусь взять от вас денег за такую
услугу.

Юрий (бросает в окно). Так пусть кто-нибудь подымет.

Иван. Что это с вами, сударь, делается. Утешьтесь... не всё горе; не всё печаль на
свете. Успокойся, батюшко.

Юрий (тяжело). Однако ж.

Иван. Бог пошлет вам счастье... хотя б за то только, что меня
облагодетельствовали. Никогда я, видит бог, от вас сердитого слова не слышал...

Юрий. Точно?..

Иван. Я всегда велю жене и детям за вас бога молить.

Юрий. Так у тебя есть жена и дети...

Иван. Да еще какие... как с неба, прекрасная, добрая жена... и малютки, сердце
радуется глядя на них...

Юрий. Если я тебе сделал добро, исполни мою единственную просьбу...

Иван. И телом и душой готов, батюшка, на вашу службу...

Юрий. У тебя есть дети... не проклинай их никогда.

(Отходит в сторону.)

Иван (смотрит на него с сожалением. Его кто-то из-за кулис вызывает к Марфе Ивановне. Он уходит медленно). (Юрий остается один.)

явление 9
(Юрий один.)

Юрий. А он, мой отец, меня проклял! и так ужасно... в ту минуту, когда я для него жертвовал всем: этой несчастной старухой, которая не снесла бы сего; моею благодарностью... в эту самую минуту... ха! ха! ха!.. О люди, люди... два, три слова, глупейшая клевета сделала то, что я стою здесь на краю гроба... Прекрасная вечность! прекрасные воспоминания!.. Но... это всё должно было так кончиться... Где золото есть главный предмет, дело там не кончится лучше... И в этот день он меня проклял! в тот самый день, когда я столько страдал, обманутый любовью, дружбой... Мое терпенье кончилось... кончилось... я терпел, сколько мог... но теперь... это выше сил человеческих!.. Что мне жизнь теперь, когда в ней всё отравлено... что смерть! переход из одной комнаты в другую, подобную ей. (Указывая, на стакан) Как подумать, что эта ничтожная вещь победит во мне силу творческой жизни? что белый порошок превратит в пыль мое тело, уничтожит создание бога?.. Но если он точно всеведущ, зачем не препятствует ужасному преступлению, самоубийству; зачем не удержал удары людей от моего сердца?.. зачем хотел он моего рожденья, зная мою гибель?.. где его воля, когда по моему хотенью я могу умереть или жить?.. о! человек, несчастное, брошенное создание... он сотворен слабым; его доводит судьба до крайности... и сама его наказывает; животные бессловесные счастливей нас: они не различают ни добра, ни зла; они не имеют вечности; они могут... о! если б я мог уничтожить себя! но нет! да! нет! душа моя погибла. Я стою перед творцом моим. Сердце мое не трепещет... я молился... не было спасенья; я страдал... ничто не могло его тронуть!.. (Сыпет порошок в стакан.) О! я умру, об смерти моей, верно, больше будут радоваться, нежели о рожденьи моем. Отец меня отвергнул, проклял мою душу – и должен этого дожидаться. (Молчание небольшое.) Природа подобна печи, откуда вылетают искры. Когда дерево сожжено, печь гаснет. Так природа сокрушится, когда мера различных мук человеческих исполнится. Всё исчезнет. Печь производит искры: природа – людей, одних глупее, других умнее. Одни много делают шуму в мире, другие неизвестны; так искры не равны меж собой. Но все они равно погаснут без следа, им последуют другие без больших последствий, как подобные им. Когда огонь истощится, то соберут весь пепел и выбросят вон... так с нами, бедными людьми; всё равно, страдал ли я, веселился ли – всё умру. Не останется у меня никакого воспоминания о прошедшем. Безумцы! безумцы мы!.. желаем жить... как будто два, три года что-нибудь значат в бездне, поглотившей века; как будто отечество или мир стоит наших забот, тщетных как жизнь. Счастлив умерший в такое время, когда ему нечего забывать: он не знает этих свинцовых минут безвестности... счастлив, кто, чувствуя тягость бытия, имеет довольно силы, чтоб прервать его. Прощай, мой отец, мы никогда не увидимся... не от тебя я умру... ты только помог мне образоваться... Ах! и она... эти прекрасные, обманчивые черты – потеряют свою привлекательность, кто б поверил? Мне их жалко. О! скоро... скоро... вы все пройдете как тени... (Берет стакан и пьет, тут вздрагивает.) За здоровье ваше... Меня утешает мысль: все люди погибнут... глупо было бы желать быть исключену из этого числа. Но... зачем холод бежит по моим жилам, зачем я дрожу... еще не время... погоди... погоди, адское чудовище... еще четверть часа, смерть – и я твой!.. (Садится в кресла – небольшое молчание.)

явление 10
(Любовь и Элиза входят в разговор. Юрий, видя их, вскакивает и отходит в сторону. В комнате темно.)

Элиза. Что тебе сказал Заруцкий, отчего его не было в саду... что это всё значит?.. твое беспокойство не к добру, ma chère. [11] Ты от меня бегаешь – и

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
верно чего-нибудь ищешь.

Любовь. Не видала ли ты, где Юрий...

Элиза. На что тебе его...

Любовь. Ах! сестрица! ты всему виною. Они хотели стреляться... Заруцкий меня на коленях просил, чтоб я тебя привела для свиданья. Юрий видел и принял совсем иначе... О! я несчастная девушка!.. он меня оставил, он думает, что я изменила ему... он не хочет даже выслушать меня. – О! если б он знал... если б он видел мои слезы!..

Юрий (в сторону). И я только теперь это слышу!.. безумец я!

Элиза. Чего же ты теперь хочешь, ma soeur?[12]

Любовь. Дядюшка его проклял... он в отчаяньи... верно понапрасну; бог его за меня наказал. Я хочу его сыскать... хочу утешить Юрия... Ах! сестрица, сестрица! если б он видел мои слезы... но... он меня любит, в нем еще есть жалость... о если б он знал, что происходит в моем сердце.

(Юрий в это время подходит и отходит в нерешимости.)

Любовь. Я его утешу, пойду к его отцу. На коленях выпрошу прощенье... или умру... я боюсь... О! где б мне его найти... одна моя любовь может его утешить... он всеми так жестоко покинут!..

Юрий (в отчаяньи). Злодей! самоубийца!..

Элиза. Что это?

любовь (бросается). Юрий! Юрий, он здесь... (Юрий встает.) Как бледен... какой страдальческий взгляд!

Юрий. Ты меня любишь... а я всегда любил тебя...

Любовь (рыдает у него на шее). Люблю ли я тебя?.. благодарю небо!.. наконец я счастлива... друг мой... друг мой... я тебе всегда была верна...

Юрий. Да! да! – это мое последнее утешение.

любовь (всё еще на груди его). Тебя все покинули.

Юрий. Ты ошибаешься! я всех покидаю... ты этого не знала?

(Любовь подымается и смотрит с удивлением.)

я еду в далекий, бесконечный путь...

любовь. Что это? – ты едешь...

Юрий. Мы никогда, никогда не увидимся...

любовь. Если не здесь, то на том свете...

Юрий. Друг мой! нет другого света... есть хаос... он поглощает племена... и мы в нем исчезнем... мы никогда не увидимся... разные дороги... все к ничтожеству... Прощай! мы никогда не увидимся... нет рая – нет ада... люди брошенные бесприютные созданья.

любовь. О всемогучий! что сделалось с ним... он не знает, что говорит...

Юрий (смотрит на нее пристально). Как ты прекрасна в эту минуту... вот последнее удовольствие мое... оно велико... я согласен... Нет, не потревожу... это нежное выражение глаз, эти полуоткрытые уста... не стану говорить ей... не хочу видеть ее в

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов Termontovmikhail.ru
ужасе... ах!.. но нет, пусть она узнает. Что мне? я умру!.. пусть всё откроется...
если б был здесь мой отец... как наслаждался б он видом моих предсмертных судорог...

Любовь. Что он говорит... Юрий! Юрий!.. я предчувствую ужасное...

Юрий (берет ее за руку). Знай, что может сделать обманутое сердце, что может проклятие вечное отца... узнай... и... да разорвется твоя слабая грудь... трепещи... кровь остановилась в твоих жилах... а! подумай! отгадай. Ха! ха! ха! ха! – нет, смейся лучше, пой, веселись, пляши... я – не бойся... я – только... принял – яд!..

Элиза. Ай, на помощь скорей!.. (Убегает.)

(Любовь дрожит, бледнеет и падает в обморок на кресло... он стоит над ней.)

Юрий. Так! я это знал! – женщины! женщины! вы не сотворены для подобных ощущений!.. как она бледна... образ смерти... О, если б она не просыпалась... если б могла не видать моего трупа... (Становится на колени.) Не приходи в себя... ты и теперь прекрасна... умри лучше... мы с тобой не были созданы для людей. Мое сердце слишком пылко, твое слишком нежно, слишком слабо. (Целует ее руку.) Рука теплая.

Любовь (приходит в себя). (Подымается на стуле и кидается к нему на шею.)...Молись!

Юрий. Поздно! поздно!..

Любовь. Никогда не поздно... молись! молись!

Юрий (вскакивает). Нет, не могу молиться.

Любовь (встает). О, ангелы, внушите ему! Юрий!

Юрий. Мне дурно!..

Любовь. Дурно...

Юрий. Пора!.. Скажи моему отцу, что я желал бы простить ему... (Упадает на землю.)

Любовь. Он падает... (Смотрит на небо.) Помоги! помоги (становится на колени возле Юрия), останови его душу... Бог! сделай первое чудо... он вернется к тебе...

Юрий (умирающим голосом). Плачь... плачь – плачь... Бог мне... никогда... не простит!.. (Умирает. Любовь рыдая падает на него. Молчание.)

явление 11

(Ник<олай> Мих<алыч>, Вас<илий> Мих<алыч>, Элиза, Иван, Дарь<я>.)

Дарья (с ужасом). Умер.

Ник<олай> Мих<алыч>. Мой сын... от моего проклятья!.. не может быть! он еще жив... не верю... он жив!..

Дарья (указывая на труп холодно). От чего же? – посмотрите сюда... вы хотели: он умер!..

Вас<илий> Мих<алыч> (поднимая Любовь). Дочь моя!.. спирту!.. ах! и она едва дышит... спасите, спасите хоть ее... (Любовь уносят. Вас<илий> Мих<алыч> и Элиза уходят.)

Иван. Боже! прости душу моего господина!..

(Все стоят в безмолвном поражении.)

Занавес опускается

Конец

Примечания

Печатается по автографу – ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 6, лл. 1–58. На л. 1 рукой Лермонтова написано «Menschen und Leidenschaften (ein Trauerspiel) 1830 года. М. Лермантов». Здесь же – полустершийся (подведенный чернилами) набросок мужской головы с усами. Сверху цензурная помета: «1855 года рассмотрено. Следует напечатать. Отнести к Краевскому».

На л. 2 написано посвящение. Имя лица, которому посвящается драма, тщательно зачеркнуто. Здесь же, против стихов «Одной тобою жил поэт... Не заплативши за страданье...», на правом поле листа карандашный портрет молодой девушки возле засохшего дерева. На л. 11 об., сверху страницы, имеется карандашный рисунок – молодой военный.

В тетради VI Лермонтова (ИРЛИ, оп. 1, № 6, л. 14) имеется черновой набросок «Природа подобна печи», который с некоторыми изменениями вошел в эту драму, в монолог Юрия. Этот набросок приводится в вариантах.

Драма опубликована впервые П. А. Ефремовым в издании «Юношеские драмы М. Ю. Лермонтова» (СПб., 1880, стр. 129–195). «Посвящение» с пересказом содержания этой драмы напечатано С. С. Дудышкиным (Соч. под ред. Дудышкина, т. II, стр. 90 и 650).

Датируется 1830 годом на основании пометы Лермонтова на рукописи. Работа над «Menschen und Leidenschaften» шла одновременно с работой над «Испанцами» и даже несколько опережала ее. Черновой набросок из «Menschen und Leidenschaften» находится в тетради VI, которую поэт заполнял весной и в первую половину лета 1830 года, на л. 14, а список действующих лиц «Испанцев» на л. 27, упоминание о первом действии «Испанцев» на л. 28.

Кому посвящена драма, точно не установлено. В лермонтовской литературе обычно назывались имена Е. А. Сушковой и А. Г. Столыпиной. Эти предположения до сих пор в достаточной степени не подтверждены.

Произведение во многом имеет автобиографический характер. Семейная драма, сильно волновавшая поэта, нашла отражение в ряде его произведений («Ужасная судьба отца и сына», «Эпитафия», «Странный человек» и др.). Нашла она отражение и в «Menschen und Leidenschaften».

В. Х. Хохряков в одной из своих тетрадей сделал запись, возможно, со слов П. П. Шан-Гирея, который в 1830 году жил в Москве вместе с Лермонтовым: «(подтвердить слышанного не имею чем, кроме того, что характер Юр. Никол. <Волина> похож на Лермонтовский) – М. И. Громова – бабушка Лермонтова. Н. М. Волин – отец Лермонтова. Ю. Н. – Лермонтов. В. М. Волин – брат отца Лермонтова. Любовь, Элиза – двоюродные сестры Лермонтова. Заруцкий – Столыпин (не знаю, который из Столыпиных). Дарья – нянька Лермонтова. Иван – слуга Лермонтова, муж няньки. Он привез в Тарханы тело Лермонтова. – Лермонтов стрелялся с Столыпиным из-за двоюродной сестры».

«Замужняя жизнь Марьи Мих<айловны> Лермонтовой <матери поэта> была несчастлива, потому на памятнике переломленный якорь. Елизавет<а> Алексе<евна> дала отцу Лермонтова деньги, лишь бы он не брал сына (может быть деньги б<ыли> даны, чтобы кончить споры об имении)» (ИРЛИ, оп. 4, № 26, тетр. 1, л. 11 об.).

Слова В. Х. Хохрякова о том, что Е. А. Арсеньева дала деньги отцу Лермонтова, подтверждаются заемными письмами Арсеньевой (см. публикацию В. Мануйлова «Бумаги Е. А. Арсеньевой в Пензенском губернском архиве», «Лит. наследство», № 45–46, М., 1948, стр. 630–632).

Реальные факты из жизни поэта нашли отражение в ряде сцен драмы. Последние слова Василия Михалыча о лишении Юрия наследства, если отец возьмет сына к себе, совпадают с заключительной частью духовного завещания Е. А. Арсеньевой (см. «Лит. наследство», № 45–46, М., 1948, стр. 635).

Однако, несмотря на отражение в драме ряда биографических моментов, преувеличивать значение их нет оснований. Биографические мотивы в драме переосмыслены и действующие лица далеки от портретности.

Отразились в этой драме и настроения Лермонтова в период его пребывания в пансионе. В 5-м явлении первого действия Юрий в разговоре со своим товарищем Заруцким вспоминает те времена, когда лучшим для него было «размышление о людях», когда его занимала «прекрасная мечта земного общего братства» и когда при одном «названии свободы сердце вздрагивало и щеки покрывались живым румянцем».

Лермонтов дает резкую критику крепостного права; враждебное отношение к крепостническому строю и сочувствие к угнетенным проходят через всё произведение. Особенно характерны сцены, в которых изображены жестокость помещицы Марфы Ивановны Громовой и расправа ее с крепостными (см. д. I, явл. 1; д. II, явл. 1; д. V, явл. 7).

По антикрепостнической направленности «Menschen und Leidenschaften» и «Странный человек» близки драме В. Г. Белинского «Дмитрий Калинин», написанной в том же 1830 году. Обострение антикрепостнической темы в 1830–1831 годах было вызвано рядом событий – эпидемией холеры, крестьянскими бунтами. В эти годы острых политических событий написаны Лермонтовым «Menschen und Leidenschaften», «Странный человек», «Предсказание».

В пьесе Лермонтова проявилась романтическая литературная традиция, в частности, традиция немецкой драмы конца XVIII – начала XIX в. На это указывают и общая система драматического построения и самое название драмы, данное на немецком языке (ср. «Kaballe und Liebe» Шиллера, «Menschenhass und Reue» А. Коцебу и др.).

8-е явление пятого действия драмы из «Menschen und Leidenschaften» вошло в драму «Странный человек» (см. «Странный человек», сцена XI).

«Если жизнь тебя обманет» – стихотворение А. С. Пушкина, впервые напечатанное в 1825 г. в «Московском телеграфе», № 17.

«Смертный, мне ты подражай» – измененная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Гроб Анакреона» (Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826). У Пушкина:

«Наслаждайся, наслаждайся;
Чаще кубок наливай;
Страстью пылкой утомляйся,
А за чашей отдыхай!»

«Поверь мне, той страны нет краше и милее» – измененное заключительное двустишие из басни Крылова «Два голубя». У Крылова:

«Но, верьте, той земли не сыщете вы краше,
Где ваша милая иль где живет ваш друг».

«Вудсток, или Всадник, Вальтера Скотта!». Речь идет о романе Вальтера Скотта «Вудсток, или Всадник. История кромвелевых времен» (ч. IV, гл. 1).

«Ведяху со Иисусом два злодея...». Цитата из Евангелия (От Луки, гл. 23, стихи 32–34).

«Горе вам, лицемеры...». Цитата из Евангелия (От Матфея, гл. 23, стихи 27–28).

«Дополняй те же вы меру злодеяния...». Цитата из Евангелия (От Матфея, гл. 23, стихи 32–33).

«Сего ради глаголю вам...». Цитата из Евангелия (От Марка, гл. 11, стихи 24–25).

«Философ истинный – счастливейший человек...». «Философ ~ знает, что он ничего не знает» – перефразировка слов, приписываемых Сократу.

«За месяц перед смертью твоей матери (еще тебе было 3 года), когда она сделалась очень больна, то начала подоз<ре>вать...». Слово «подозревать» печатается предположительно. В автографе: «подозвать».

«...рыбки попляшут на сковороде» – это же сравнение употреблено Крыловым в басне «Рыбы пляски».

Menschen und Leidenschaften (Люди и страсти). Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
«...недвижна, как жена Лотова» – имеется в виду библейская легенда о превращении жены Лота в соляной столб во время гибели Содома.

Сноски

1 Люди и страсти
(Трагедия) (Немецк.)

2 например. (Франц.)

3 (сестра, (Франц.)

4 Боже мой! Боже мой! (Франц.)

5 я должна быть сегодня красивее, чем когда-либо (Франц.)

6 как будто это – государственное дело!.. (Франц.)

7 я-то над всем этим смеюсь! (Франц.)

8 двусмысленность (Франц.)

9 с глазу на глаз. (Франц.)

10 Дорогая. (Франц.)

11 дорогая. (Франц.)

12 сестра (Франц.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://lermontovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!